

8С(кар)2 236840-1

К21 **А. И. Жараева**

О
ВОЕННОЙ ПРОЗЕ
В СОВРЕМЕННОЙ
КАРАЧАЕВСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

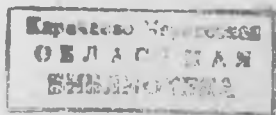
А. И. Караева

**О ВОЕННОЙ ПРОЗЕ
В СОВРЕМЕННОЙ
КАРАЧАЕВСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ**

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРКЕССК—1971

ЗС(Кар)2
К21

236840-В

Асият Исмаиловна Караева

**О ВОЕННОЙ ПРОЗЕ
В СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Редактор **А. Ю. Коркмазов**
Художник **В. И. Бекетов**
Художественный редактор **М. П. Бертник**
Технический редактор **З. Т. Агирбова**
Корректор **С. К. Аникеев**

Сдано в набор 3/V-1971 г.
Подписано в печать 3-XII-1971 г.
Формат 70x108 ¹/₃₂. Физ. п. л. 4,5.
Усл. п. л. 6,3. Уч.-изд. л. 5,9.
Заказ № 2158. Тираж 1000 экз.
БУ 82335. Цена 23 коп.

Ставропольское книжное издательство,
Карачаево-Черкесское отделение,
г. Черкесск, ул. Ленина, 38.
Карачаево-Черкесская областная типография,
г. Черкесск, ул. Первомайская, 47.

С 1957 года начинается интенсивное развитие карачаевской литературы. Значительное место в ней занимают газетные очерки, статьи, стихи и рассказы о периоде Отечественной войны, о карачаевцах, сражавшихся в рядах Советской Армии и боровшихся с фашистскими оккупантами в партизанских отрядах. Одним из ярких произведений о Великой Отечественной войне явилась поэма „Залихат“ Халимат Байрамуковой¹.

Образ героической партизанки и ее товарищей по оружию, картины мирной предвоенной жизни и мрачных дней оккупации, восхищение мужеством и подвигами своих земляков, страстная любовь к родной земле с большим художественным мастерством раскрыты в поэме, сделали ее одним из самых популярных произведений карачаевской литературы.

Духовное родство поэтессы с героиней, переданное страстно и лирично, заставляет нас вспомнить такие произведения советской литературы, как поэма „Зоя“ М. Алигер.

В карачаевской прозе военная тема начинает развиваться в разных жанрах—военных очерках и рассказах, повестях и романах².

¹ См. А. И. Караева. Очерки истории карачаевской литературы, М., 1966, стр. 243—254.

² Л а й п а н л а н ы С. Бир кюн сыртда (На плато). Сб. «Биринчи атламла», Черкесск, 1958; Х у б и й л а н ы О. Аманат, роман, Черкесск, 1959, кн. I; 1961 — кн. II.

Однако, в конце 50-х годов она еще не получает развернутого отражения, глубокого и всестороннего осмысления в литературе. Зато в последующие годы интерес к военной теме растет. В ее трактовке наблюдаются интересные закономерности развития всей карачаевской литературы, в ней преломляются в своеобразной форме тенденции, общие для многонациональной советской литературы 60-х годов.

Критика 60-х годов отметила новое в ее раскрытии: стремление не только показать всенародный характер войны, но философски осмыслить роль личности—от солдата до маршала—в ходе огромных исторических событий того периода; вскрыть как можно глубже, полнее психологию человека на войне, его напряженную духовную жизнь, внутреннюю эволюцию.

Важно, что события военных лет исследуются во всей их сложности и полноте, захватывая те стороны жизни, которых писатели не касались до XX съезда КПСС. Это можно видеть в романах К. Симонова „Живые и мертвые“, „Солдатами не рождаются“; Г. Бакланова „Пядь земли“, „Июль 41-го года“; Ю. Бондарева „Батальоны просят огня“; В. Быкова „Третья ракета“, „Фронтная страница“, „Альпийская баллада“; А. Ананьева „Танки идут ромбом“; П. Нилина „Через кладбище“ и в других произведениях.

В то же время в литературе о войне порой „окопная правда“, правда „пяди“ земли заставляла писателя широкие исторические горизонты и придавала произведениям оттенок дегероизации.

Интересно, что в эти годы появляется очень много книг, изображающих драматические судьбы людей, попавших в плен, в концлагери, в которых перед читателями раскрылась еще одна трагедийная страница военных лет.

Полнее и глубже стали писатели изображать жизнь людей в оккупированных районах страны, процессы, происходившие в сознании людей. Раскрылись многие судьбы безвестных героев-подпольщиков.

Все большее место начали занимать в литературе о войне мемуарно-документальные жанры.

Некоторые из этих книг завоевали огромную популярность и получили большой общественный резонанс, какого не приобретали художественные произведения—повести и романы. Подробнее о роли и месте мемуарно-документальных жанров в развитии современной литературы мы будем говорить ниже в связи с анализом произведений карачаевских писателей. Здесь же хочется упомянуть одно характерное доказательство сказанного—творчество С. Смирнова.

Когда С. Смирнов еще только начинал свою работу по сбору материалов о защитниках Брестской крепости, один из его товарищей-литераторов удивленно спросил: зачем, если он писатель, а не историк, „искать сотни людей, сличать их воспоминания, просеивать множество фактов... садись и пиши повесть или роман, а не документальную книгу“¹. Искушение последовать этому совету было велико: „Я имел бы, выражаясь по-военному, „полную свободу маневра“ и был бы избавлен от „цепей документализма“. Что и говорить, соблазн был велик, а к тому же в нашей литературной среде как-то так повелось, что роман или повесть считаются уже сами по себе первым сортом, а документальная или очерковая книга—вторым или третьим. Зачем же добровольно становиться гретьесортным автором, если можно самим определением жанра шагнуть повыше?

¹ С. С. Смирнов. Рассказы о неизвестных героях, М., 1968, стр. 3.

Но, когда я думал обо всем этом, в голову пришла и другая мысль. Ведь, если я напишу роман или повесть с вымышленными героями, читатель не различит в этой книге, что было на самом деле и что просто придумано самим автором. А события Брестской обороны, мужество и героизм крепостного гарнизона оказались такими, что превосходили любой вымысел, и именно в их реальности, правдивости заключалась особая сила воздействия этого материала. Кроме того, судьбы героев Бреста, сложные и порой трагические, становились гораздо более впечатляющими, когда читатель знал, что это действительные, а не придуманные писателем люди и что многие из них живут и здравствуют сейчас рядом с ним¹.

Книги С. Смирнова завоевали, как мы знаем, огромную популярность, потому что они отвечали очень насущной потребности народной души—чтобы никто не был забыт, ничто не было забыто из правды тех великих дней. Работа писателя-исследователя, историка для С. Смирнова неотделима от деятельности гражданина и коммуниста: „Его книги стали крупным литературным явлением. Автора „Брестской крепости“ можно по праву считать родоначальником особого героического поискового жанра. В последние годы у него появилось немало талантливых последователей...“².

Произведения такого жанра не блещут стилистическими красотоми. Это их характерная черта, о которой очень хорошо сказал С. Смирнов: „Быть может, иные из литераторов и читателей упрекнул меня в некото-

¹ С. С. Смирнов. Рассказы о неизвестных героях, М., 1968, стр. 3.

² А. Артуров. Воскрешённые подвиги, стр. 6. С. С. Смирнов. Рассказы о неизвестных героях, М., 1968.

рой сухости изложения, в отсутствии ярких метафор или сравнений, пейзажа, диалога. Но мне кажется, что температура повествования должна быть обратно пропорциональна температуре материала, а то, о чём я здесь пишу,—добела раскалённый материал удивительных, героических подвигов наших людей, и о нём, по моему мнению, следует рассказывать максимально сдержанно и строго, даже, быть может, с оттенком лаконичности военных донесений¹.

Поток подобных произведений стал особенно широк в связи с 20-летней годовщиной победы советского народа в Великой Отечественной войне, 50-летием Советской власти, Советских Вооружённых Сил и ВЛКСМ (1965, 1967, 1968 годы). Нет такой республики, края, области, где бы не издавались книги очерков, воспоминаний и документов о героях Великой Отечественной войны от маршала до солдата. Только библиография этой литературы заняла бы многие и многие сотни страниц. Сбылась мечта миллионов участников грандиозной битвы, высказанная ещё в годы войны А. Твардовским в его поэме „Василий Тёркин“:

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придёт—ещё повстанут
Люди в памяти живой.
И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны—
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;
Кто за гордую твердыню,

¹ С. С. Смирнов. Рассказы о неизвестных героях, стр. 4.

Что у Волги у реки;
Кто за тот, забытый ныне,
Населённый пункт Борки.
И Россия—мать родная
Почеть всем отдаст сполна.

I.

Материалы, публикуемые в периодической печати Карачаево-Черкесии, брошюры, книги выходят в этот период под лозунгом „Никто не забыт, ничто не забыто“. Они являются результатом большой общественной работы, развернутой коммунистами и комсомольцами области и превратившейся в широкое народное движение.

На фоне многочисленных публикаций, статей и книг особенно выделяются военные мемуары Героя Советского Союза полковника танковых войск Харуна Умаровича Богатырёва „За Отечество“¹ и документально-очерковая книга Сеита Лайпанова „Сын Карачая—герой Белоруссии“², рассказывающая об Османе Касаеве, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, вслед за многочисленными изысканиями и выходом в свет книги Сеита Лайпанова.

Появление военно-мемуарных книг всегда вызывает у читателей огромный интерес. Большой популярностью пользуются книги генерала Горбатова, адмирала Кузнецова, маршала Рокоссовского, генерала армии Штеменко, маршала Жукова.

Но наряду с мемуарами крупнейших советских военачальников, руководивших операциями большого

¹ Багъатырланы Харун. Эсге тшошрюуле, Карачай-Черкес китаб издательство, Черкесск, 1963.

² Лайпанланы Сеит. Къарачайны уланы — Белоруссияны дгижити, Черкесск, 1964.

масштаба, не меньший интерес вызывают воспоминания любого участника Отечественной войны, сумевшего рассказать о своем боевом пути, о примечательных событиях и о замечательных людях, встреченных на этом пути. И вся мемуарная литература в целом складывается в достоверную эпопею войны, созданную её бойцами, независимо от их чина и звания.

В карачаевской литературе этот жанр представлен воспоминаниями Героя Советского Союза полковника Богатырёва, упомянутыми выше.

Боевая биография Харуна Богатырёва складывалась вместе с военной биографией 3-й танковой армии, где он командовал полком и бригадой.

Автор не склонен рассуждать о „большой“ стратегии и тактике. Он описывает страдальный боевой путь через деревни, посёлки, города. Это путь от Россоши на Харьков, это бои на Курской дуге и форсирование Днепра, а затем марш на Киев—Сумы—Фастов, Фастов—Житомир—Бердичев, Проскуровская операция, бои и служба за рубежами нашей Родины— в Берлине Чехословакии, Австрии.

И хотя Богатырёв рассказывает в основном о военных действиях после Сталинградской битвы, когда в войне уже произошёл перелом, он не рисует их как триумфальное шествие. Он показывает, что и последующие победы над врагом были нелегкими. Немало крови было пролито, пока последний фашист не был вышвырнут с родной земли, пока враг не был вынужден сдаться в своём зверином логове— в Берлине.

Со всей достоверностью участника и очевидца изображает Богатырёв бои за Харьков, Черемышную, Фастов, рейд фашистских армий на Киев и танковый отпор, данный им, грандиозный размах битвы за Берлин.

„Судьба теперь была за нас. Взяли мы и Фастов.

**Герой Советского Союза полковник танковых войск
ХАРУН УМАРОВИЧ БОГАТЫРЕВ**

Указом Верховного Совета СССР нашей 52-й гвардейской танковой бригаде было присвоено название „Фастовской“.

После этого мы вступили в бои с фашистами в районе Брусилова. В первой половине ноября фашистские войска повели ожесточённые наступательные бои против нас. Пришёл приказ остановить на некоторое время наступательное движение войск 1-го Украинского фронта, перейти к обороне и вести концентрацию, накопление сил.

Гитлеровцы стянули сюда значительные силы и пытались вновь овладеть Киевом. Разгорелись ожесточённые, жаркие бои, как на Курской дуге.

По дороге от Житомира на Киев ежедневно проходило 2000—4000 танков. Наша бригада охраняла эту дорогу возле деревни Озерянка. Враг бросался на Киев, вылезая из густых лесов Житомирской стороны. Участок, охранявшийся нашей бригадой, был очень ответственным.

Командование пополнило нашу технику 9 самоходными орудиями. Мы поставили танки и орудия так, чтобы они до половины были зарыты в землю. И стволы орудий были нацелены на дорогу. Дали возможность вражеским машинам приблизиться, затем орудийными залпами ударили по ним. Вместе с облаками дыма поднялись в воздух обломки их разбитых машин. Враг повернул назад. Но через некоторое время вновь начал наступление. Однако, получив порцию горячего, откатился назад.

В один из дней прибыл командарм Рыбалко, увидев на дороге развороченную и сгоревшую немецкую технику, он улыбнулся мне:

— Вы тут, оказывается, устроили кладбище вражеских танков!

— Да,—ответил я,—товарищ командарм, что заслужили,—то и получили. Иного подарка, кроме как могилы, для них у нас нет...

В последние дни декабря мы начали операцию Житомир—Бердичев. В продолжение шестидневных наступательных боев наши войска раздвинули фронт на 300 километров, продвинулись вглубь на 100 километров. 31 декабря мы взяли Житомир¹.

А вот небольшой отрывок, повествующий о боях за Берлин: „Перед нами Берлин—звериное логово фашистов. Советская Армия, завершив подготовку, приступила к взятию Берлина. Врагу, загнанному в тупик, нет передышки ни днем, ни ночью. У каждого из нас словно выросли крылья, мы радуемся, мы чувствуем, видим конец войны. Теперь мы спешим скорее взять Берлин, кончить войну, установить мир и спокойствие на земле.

Но мы знаем, что не так легко разбить последние позиции врага. Гитлер призвал к сопротивлению всех немцев, способных носить оружие.

Фашисты сопротивляются и борются за каждую пядь земли. Однако история уже вершила над ними свой суд: 21 апреля 1945 года мы увидели Берлин. Вот он—источник, откуда распространилась чума, город, где действовало сборище убийц, раздувших пожар по всей земле.

Берлин горит. Облака дыма густо застлали небо. От не утихающих ни на минуту орудийных залпов содрогаются земля, а в небе—сплошные молнии. Ежечасно на город обрушиваются тысячи снарядов, а самолеты непрерывно бомбят его.

¹ Богъатырланы Х. Ата джурт ючюн, стр. 74—75. Здесь и далее художественные тексты цитируются в подстрочном переводе автора данной работы.

Враг отчаянно сопротивляется. Каждый дом, каждая квартира—огневая точка. Чтобы сломить, разбить, раздавить, уничтожить оборону врага, наши войска бьются за каждый район.

Выполняя приказ об оперативном разгроме берлинского гарнизона, наши части взяли штурмом район Пегеля. Здесь в наши руки перешла большая станция, снабжавшая город водой. Мы разбили вражеский аэропорт Темпельгоф. Немецким самолетам теперь в Берлине негде было совершать посадку. Мы захватили радиостанцию, электростанцию, газовый завод. И таким образом поставили фашистов в безвыходное положение.

25 апреля наши войска окружили Берлин, замкнули его так, что никто из него не мог выйти. Начались ожесточенные уличные бои, перестали ходить трамваи, закрылось метро. И население, и войска в Берлине начали ходить за водой к Шпрее. В иных местах города берлинцы пытались спешно выкопать колодцы. Берлин, отрезанный от всей страны, оказался в трудном положении.

Однако Гитлер дал приказ не сдаваться, и на улицах продолжались бои. Гарнизон Берлина сопротивлялся основательно, упорно, до конца.

30 апреля, в ночь на 1-е мая, наши войска вошли в центр Берлина. С баррикады у Бранденбургских ворот высотой в три метра мы открыли огонь по Унтерденлиндену. Наши танки перешли через Шпрее и двинулись на Тиргартен, а пехота—на врага, укрывшегося в зоологическом саду. Начались бои на Вильгельмштрассе и Потсдамском вокзале.

Берлин стал тесен для нашей техники. Он не вмещал ее, и войскам трудно было маневрировать в городе. Улицы, площади, парки были забиты фашистски-

ми танками, самоходными орудиями, автомашинами, телами убитых, развороченным железом, обломками кирпича. Отовсюду торчали пасти зенитных орудий, миномётов, жерла орудий сгоревших „тигров“ и „пантер“.

Наши сапёрные батальоны расчищали улицы, делали проходы, помогали войсковым частям продвинуться к рейхстагу. На некоторых улицах, перешедших в наши руки, бои прекратились.

Убедившись в том, что неповинных людей мы не тронем, берлинцы вышли на улицы и с тревогой и удивлением смотрели на нескончаемый поток входящих в город советских войск. Некоторые из них, увидев наши большие танки, спрашивают:

— Вы их получили из Америки?

— Нет, это русские танки. Сделали их на Урале! Немцы качают головами.

— А это, наверно, английские орудия?

— Нет, русские орудия. Сделали их на Урале,— отвечают наши артиллеристы.

Немцы перешептываются.

— Это „катюши“,—показывают они. Другие подходят к нам:

— А нам говорили, что у Советского Союза нет ни орудий, ни танков, ни самолётов, что их разбили...

Во многих местах города войсковые части врага, обессилив, бросают оружие и переходят в плен. Однако, в большинстве случаев, мы силой и с боем берём каждый дом, каждый подвал¹.

Военные действия Советской Армии, ход исторической битвы Богатырёв описывает как страстный патриот, как советский человек, способный охватить ра-

¹ Багъатырланы Х Ата джурт ююн, стр. 86—88.

зумом и прочувствовать всё величие, всю грандиозность совершающихся событий.

Читая воспоминания Харуна Богатырёва, невольно вспоминаешь безымянных авторов историко-героических песен, для которых огромным событием в их жизни и жизни народа была борьба против царского самодержавия и местных князей.

Идея свободы родной земли для творцов этих песен в силу конкретных исторических условий не поднималась да и не могла подняться выше понимания ее как свободы и независимости лишь своих соплеменников, своего народа, своих горных теснин, в которых жили их предки и живут они сами. Какие же грандиозные изменения должны были произойти в жизни небольшого карачаевского народа, в сознании его сыновей, чтобы один из них через много лет после этого написал книгу о борьбе с коричневой чумой, за мир во всем мире, за справедливость и счастье человечества, тружеников всей земли.

Неузнаваемо изменился духовный мир человека. Сознание своей принадлежности к силам добра и справедливости — многонациональному советскому народу — порождает исторический оптимизм, который пронизывает всю книгу, наделяет образ её героя чертами, роднящими его с образами народных богатырей. Недаром имя Харуна Богатырёва славится среди его земляков и восхищение им отразилось в стихотворении Азамата Суюнчева „Совет Союзу Батыры Багъатырланы Харуннга“ („Герою Советского Союза Харуну Богатыреву“), ставшем популярнейшей народной песней¹.

По своему мажорному звучанию мелодия этой пес-

¹ А. Суюнчев. Къобанны мынчакълары. Черкесск, 1959,

ни способствует раскрытию образа Харуна— „всадника в броне“, как метко назвал его в своей статье журналист Евгений Кригер¹.

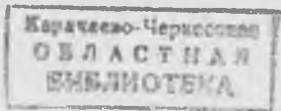
Сын Карачая с львиным сердцем,
Конь под тобой—это крепость, которую
не пробьет пуля.

Когда твой полк наступал,
Гудела земля и содрогалось небо.
В битвах встречаясь с врагом,
Он сокрушал прославленные армии.
Какие ночи, какие дни позади!
Не раз зима сменялась летом,
Но неизменно были героями твои танкисты,
Свободу несли они людям от села к селу.
Вдохновенная на подвиги партией,
Советская Армия защищала наш народ,
Отогнала на запад от наших границ
Напавшую на Родину фашистскую свору.
Грудь твоя в орденах и медалях, врученных
Отчизной,

Сверкает, как созвездие Плеяд.
Поклон тебе от родных Кавказских гор,
Богатырь советского народа, его горный сын.
Найдут свою дорогу молодые,
Взяв пример с таких, как ты,
И изо дня в день будет расти число тулпаров
Нашей Советской Отчизны.

Со страниц книги „За Отечество“ встает перед нами подлинный образ Харуна Богатырёва, его жизнь. Он как будто и немного говорит о собственных мыс-

¹ Евгений Кригер. Всадник в броне «Красная звезда», 18 марта 1943.

лях и переживаниях, но поскольку мы видим людей и события его глазами, это помогает получить ясное и цельное представление об индивидуальности автора мемуаров.

Наиболее глубоко и содержательно, хотя очень сжато и лаконично, он рассказывает о себе в начале книги.

На его примере предстаёт перед нами типичная судьба карачаевского батрака до и после революции. Всего два года учёбы в аульной школе и отец сказал: „Сын мой, ты видишь, что за обучение нам платить нечем. И зачем тебе грамота? Нам, беднякам, она ни к чему, Грамота нужна богатым да князьям. Я даже подпись свою не умею поставить, а уповаю на единого аллаха и живу. Отдам тебя в наем, в батраки. Себя прокормишь, заработаешь, — так лучше“. „Я очень хотел учиться, — продолжает Харун, — и очень переживал отцовские слова, много слёз пролил. Но выхода не было. В 1916 году на весь сезон от весны до осени нанялся к Абайхановым. Отец на Бичесыне пас овец, а я пас ягнят. Абайхановы были очень богатые. На Бичесыне паслись их стада, а у Ак-Кая находились их земли. Мой старший брат был у них табунщиком. Пастухи не знали, что такое горячая пища. Одежду с себя не снимали ни днём, ни ночью. Ночью стерегли овец, спали, положив головы на пастушьи палки“¹.

Рассказывая о жизни карачаевских батраков и об отце, Харун изображает его как человека, не терпящего издевательств и способного, несмотря на свою богобоязненность, постоять за себя. „Однажды вечером отец пригнал овец на стойбище, поймал больную овцу и потянул в сторону. Увидел Абайханов:

¹ Багъатырланы Х. Ата джурт ючюн, стр. 4.

— Эй, старик! Что случилось с этой овцой? — заорал он вперемежку с бранью.

— Что ж ты бранишь меня, старика? Я ж тебе говорил, что овца нездорова, пошептался бы произносить такие богопротивные слова, — ответил ему отец.

Абайханов расвирился: „Собачий сын“, — заорал он и ударил отца по голове.

Тут отец вышел из себя: „Собака ты, а не я! Нажился на моем труде, да еще будешь издеваться надо мной!“ — и пастушьей палкой, что была в его руке, огрел хозяина так, что Абайханов облился кровью. Вскочил, выхватил оружие и хотел убить отца, но тут другой пастух — Хусей схватил его за руку, вырвал оружие и велел моему отцу, забрав детей, уходить поживее, пока он держит Абайханова. Мы ушли с отцом, ночью, пешком. Лишились того, что полагалось нам получить за три месяца работы...¹

В отличие от многих произведений карачаевской художественной литературы, где батраки, как правило, изображались забитыми, безропотными людьми, вызывающими только жалость, воспоминания Богатырёва воскрешают существенные социальные черты характера „горского пролетария“, из тех, которые до революции способны были на протест и бунтарство. В его рассказе об отце совершенно отсутствует оттенок сентиментальности и мелодраматизма, нередко сопутствовавший подобным образам в карачаевской литературе.

Рассказ Харуна о своем детстве, об отце помогает нам понять, почему после установления Советской власти в Карачае в 1920 году Богатырёв — в числе первых комсомольцев, почему он становится секретарем комсомольской ячейки в ауле Джегута, где вместе со

¹ Багъатырланы Х. Ата джурт ючюн, стр. 5.

своими товарищами - осуществляет все мероприятия Советской власти и борется с богатеями, пытающимися дискредитировать Советскую власть или пролезть в ее органы.

Страстная мечта — учиться — приводит его на Иваново-Вознесенский рабфак. И как ни трудно дается Харуну учеба (он не может привыкнуть к климатическим условиям, болеет), в нём живет настойчивое желание преодолеть эти трудности. Он заканчивает рабфак, решает стать инженером-химиком, завершив образование в химико-технологическом институте.

Но судьба распорядилась иначе: в связи с решением ЦК партии о подготовке квалифицированных военных кадров из числа коммунистов-студентов, Харун попадает в 1929 году в Орловское бронетанковое училище, а после того, как окончил его с отличием, получает назначение в Москву, где служит командиром танкового взвода учебно-механизированного полка Академии бронетанковых и механизированных войск.

К началу войны Харун уже кадровый военный в чине капитана и преподаватель Казанского бронетанкового училища.

В начальный период войны он занят напряжённым трудом по подготовке танкистов (трёхгодичную программу они проходили за три месяца), настойчиво овладевает новой боевой техникой. Харун рассказывает: „Казанское училище располагалось в Кремле. Это училище прежде было пехотным, а теперь, совсем недавно, сделали его танковым. Командиры в большинстве были пехотинцами. Я был назначен заместителем командира батальона. Командиром был подполковник пехоты Устимов. Начальник училища — полковник Ажгимов, комиссар — полковник Шипов. Мне вменили в обязанность обучение пехотинцев танковому бою. Однажды я проверял, как идёт боевая подготовка курсантов.

Курсанты занимались в тире стрельбой в цель из башенных мелкокалиберных пулемётов. Там были командир роты старший лейтенант Ерин, командир взвода Волков. Они подбежали ко мне.

— Товарищ капитан, что-то не получается,— пожаловались они. Оказывается, в течение 3—4 часов не могли наладить мелкокалиберный пулемёт для стрельбы в цель. И винить их не за что: только 3 месяца они были на военных сборах. Чтобы по-настоящему овладеть этим искусством, курсанты прежде учились три года в училище... Я наладил пулемёт, установил прицел, показал курсантам, что надо делать, когда пули заваливаются в сторону от цели.

В нашем училище были английские танки „Валентайн“. А наставления к ним не было. Приехали один английский офицер и два сержанта. Но они нам не все рассказали об этой машине. Я созвал танкистов, хорошо разбиравшихся в технике, в танках. Когда англичане пришли ночью и увидели разобранный нами по винтику, от макушки до гусениц, танк, они поразились. Так мы досконально изучили части, систему вооружения английского танка.

Днем и ночью мы готовили офицерские кадры для фронта. С фронта тоже приезжали учиться у нас¹.

Харун рвётся на фронт, в действующую армию и предпринимает многократные попытки добиться откомандирования.

Вся биография Харуна до начала фронтовой жизни характеризует его как человека волевого, целеустремлённого, необычайно активного и задорного.

Перед нами типичный образ человека из народа, в котором раскрепощены творческие возможности, прос-

¹ Багъатырланы Х. Эсге тюшюрюле, стр. 10.

нулось чувство хозяина своей судьбы, своей страны. Его судьба — это результат огромной организационной и воспитательной работы в самой гуще народных масс.

С 1943 года Богатырёв находится в действующей армии. Главные черты его характера получают здесь дальнейшее развитие, укрепляются и проявляются с наибольшей яркостью и полнотой.

Они составляют основу облика советского воина-коммуниста, талантливого боевого командира. Безыскусно рассказывает Харун о боевых эпизодах и буднях танковой бригады. Немногочисленны, но точно подмечены им черточки военного быта:

„Выкопали землянки для бойцов. Обогревали их железными печурками. Стекла для окошек не было, поэтому промасливали белую бумагу солидолом и „стеклили“. Не было ламп, и светильники тоже изготовляли сами: наливали в гильзы от снарядов газол, делали тряпочные фитили и зажигали“.

Даже в самый страшный момент боя, когда во время бомбежки, выскочив из разбитого танка, Харун и его сержант лежат в канаве на обочине дороги, засыпанные землей и осколками, он не теряет присутствия духа и способности удивляться: „Больше сотни самолетов, как галочья стая, закрыли небо и поливали землю свинцом... Они летели так низко, что, казалось, шасси задевали башни танков... Поднял голову (Харун—А. К.) и увидел как возле одного нашего танка упала 500-килограммовая бомба. Танк подбросило вверх, он перевернулся и воткнулся башней в землю“...¹

Искренне и непринужденно, без приукрашивания,

¹ Багъатырланы Х. Ата джурт ююн, стр. 43.

порой с легким юмором рассказывает Харун о своих переживаниях и наблюдениях.

Генерал Зинкеевич приказал Богатырёву взять командование бригадой на себя и повести ее в наступление. „Тотчас мы двинулись вперед,—рассказывает Харун.— Вскоре подошли к небольшой деревне. Можно было подумать, что здесь наступил конец света: неприятель буквально затопил ее огнем из пулеметов и минометов. Деревня горела. Когда я приоткрыл люк и выглянул, то увидел Зинкеевича, нырявшего на виллисе между танками. Я был удивлен, даже подумал, не пьян ли он?

При попытке перебраться через заболоченное русло небольшой речонки, протекавшей ниже деревни, два наши танка засосало до половины в грязь и они остановились. Я вылез и направился к ним. Подоспел и Зинкеевич. Неприятель заметил нас здесь и начал бить из минометов. Осколки со свистом пролетали над головами.

Зинкеевич не обращал никакого внимания на них. Ну, он так, и я так. Он понял, что я тоже не кланяюсь минам, и предложил: „Майор, давай прижмемся где-нибудь позади застрявшего танка и переждем“...¹ Или случай с самим Харуном, о котором он рассказывает так же просто: „Наш корпус, вернее оставшиеся в живых после тяжелых боев, в которых участвовал и второй эшелон, получил передышку.

Только я поставил ногу на землю, как тут же рядом разорвался снаряд. Меня ранило в руку, вечером пошел в санчасть на перевязку. Трое суток я не смыкал глаз, а тут как сел и прислонил голову, так и задремал. Через сутки замполит рассказывал

¹ Багъ атырланы Х. Ата джурт ююн, стр. 49.

со смехом: „Товарищ майор, пока вы спали, налетело 60 самолетов неприятеля, страшно бомбили; вас, как мертвого, завернули в плащпалатку, принесли в траншею. Во сне вы что-то бормотали, кричали: „Вперед! В атаку!“ Я же сам ничего подобного не помнил. Человеческий организм может терпеливо переносить и холод, и голод, а вот не спать—он не может, в этом я убедился на собственном опыте“¹.

Мужество, личный героизм, выдержка Харуна становятся очевидными читателю, потому что он видит его всё время в первом эшелоне танковых войск. Многократные ранения и контузии Харун воспринимает как вещи само собой разумеющиеся и норовит остаться на передовой, не задерживаться в медсанбате. Много раз смерть проходит рядом с Харуном, и, рассказывая об этих случаях, он сам удивляется, радуется своему боевому счастью. В одном из боёв подбили танк, в котором, замыкая колонну, следовал командир бригады Иван Тимофеевич Потапов. Немецкие танки пропустили колонну, ударили в этот последний танк с тем, чтобы отрезать путь к отступлению и окружить. И Харун рассказывает: „Потапов и Летов пересели в другой танк и дали приказ рассыпать танки в оборону. Я заметил метрах в 100 перед собой два средних танка неприятеля. Моментально ударил по ним бронебойными снарядами и поджёг оба танка. Тотчас же третий снаряд попал в мой танк, пробил броню его, прошел мимо меня, попал в моторное отделение и разорвался. Заряжающий и я выскочили из танка. Редко бывает такое в танковых делах... Разве не удивительно это!“—воскликает Харун².

¹ Багъатырлары Х. Ата джурт ючюн, стр. 49.

² Там же, стр. 50—51.

О другом поразительном случае он рассказывает: „Я не знал, что в то самое время, как ранили его (Плотникова, заменившего на посту начальника штаба раненого Летова—А. К.), осколок снаряда попал и в меня. Захотелось мне курить. Достаяю из кармана железный портсигар, открываю его и нахожу в папиросе осколок длиной в два сантиметра. Осколок этот пробил крышку портсигара и застрял у другой. Я показал его друзьям, удивил их. Этот портсигар спас меня от ранения, он и сейчас хранится у меня“¹.

„За время войны это горел подо мной уже восьмой танк“²,— буднично заключает Харун в главе о Проскуровской операции рассказ о выполнении очень трудного ночного задания, когда танк, в котором он находился, пробило двумя снарядами.

Конечно, Харун любит жизнь, но его мужество, его натура бойца, его увлеченность заставляют не пасовать перед возможной смертью.

Юношеская непосредственность, азарт, а временами даже лихость сочетаются в Богатырёве с умением ценить воинскую субординацию, дисциплину, своё достоинство командира. Он убеждён, что в боевых схватках должен быть примером личной храбрости для бойцов, и в любых обстоятельствах его не покидает чувство юмора.

„Взяв с боями несколько деревень,—рассказывает Богатырёв о боях под Полтавой,—22 февраля 1943 года батальон остановился на ночь в большой деревне. Здесь мы обнаружили спиртовой завод, который работал на немцев. Был приказ не разбазаривать спирт, но никто не мог пожаловаться, что не полако-

¹ Багъатырланы Х. Ата джурт ючюн, стр. 50—51.

² Там же.

мился им, не отведал. А то, что осталось, попало по назначению.

Я получил приказ от Зинкеевича—командира 12-го танкового корпуса—очистить своими танками путь для пехоты, наступающей на Черемышную, чтобы уменьшить её потери. Черемышная находилась в 60 км к западу от Харькова, а немцы там укрепились здорово...¹.

Богатырёв начал наступление, вошёл в Черемышную, но пехота отстала и он оказался в трудном положении: ждать пехоту не мог, а оставить за собой не закреплённую территорию тоже нельзя было. Фашисты подожгли несколько танков Харуна.

„Не думая о смерти,—пишет Харун,—о гибели, мы ринулись вперед и начали топтать танками помещения немцев, раздавили минометную батарею, сожгли немецкий танк. Немцы подожгли наш танк. Лейтенант Солдатов помог лейтенанту Ефремову, но немцы все вылезали откуда-то. Солдатов тогда вышел из танка, поднял наган над головой, начал стрелять. И мы с криком „ура“ ринулись вперед. Подросла и наша пехота. В тот день мы всю деревню очистили от фашистов“².

В этой операции немецкий снаряд попал в мотор танка Харуна. Харун, раненый, обливаясь кровью, приказал водителю Рыбникову отвести горящий танк вправо, к дому. Он вылез из танка, начал тушить на себе одежду, а кровь все шла. Похолодев от мысли, что немцы могут одолеть, бросился к танкам, чтобы открыть огонь, но его подхватили и унесли.

„Обошлись без меня,—продолжает Харун,—подожгли ребята три немецких танка и разбили одно орудие...

¹ Багъатырланы Х. Эсге тюшюрюле, стр. 32.

² Там же, стр. 34—35.

Перевязали мне раны. Хоть и получил я в тот раз 12 ранений, но командовал боем до конца и приказ выполнил... После боя за эту деревню Зинкеевич на своей машине отправил меня в санчасть...

В санчасти врачи, осмотрев мои раны, заявили, что надо сделать противостолбнячные уколы. Это была как раз та деревня, которую мы взяли вчера и в которой был спиртзавод. Я вспомнил это. Решил привести себя в веселое расположение духа, настроить на хорошую волну, и, вытирая запекшуюся на губах кровь, спросил: „Спирт есть?“

Увидев моё лицо, залитое кровью, медички испуганно ответили:

— Есть.

— Тогда, не судите меня строго, налейте немного, а потом делайте, что хотите...

Сделали уколы. Стало лучше, сел в машину, отправился в Харьковский госпиталь. Харьков только что был освобождён от немцев. Здесь хирург положил меня на операционный стол, вынул, можно сказать, вырвал, почти все осколки из ран...

Две сестры забрали мою одежду. Я пошутил: „Говорят, что к вам приходят танкистами, а уходят пехотинцами,—это правда? Может быть, вы подменяете им одежду?“

В ответ они обе засмеялись.

— Сдайте револьвер,—потребовали они —Если начальство увидит, будет ругать.

Я спокойно спрятал пистолет под подушку и сказал им:

„Нет, пусть пистолет отдохнет здесь немножко, а я вас не подведу“.

На четвёртый день, слышу, офицеров переводят в отдельную палату. Поскольку я ранен был не в ноги,

а в голову и руки, то обходился сам и пытался передвигаться на собственных ногах. Велел принести мою одежду и... не обнаружил галифе! Шутка моя, которая рассмешила девушек, обернулась правдой. Ничего не поделаешь, пришлось взять чужие штаны. Всего я пролежал в госпитале 5 дней. Было неспокойно: фронт приближался. Госпиталь стали перевозить в Белград. На шестой день пришли немцы.

Представил себе свой танк, танкистов... Оделся и тихо ушёл"...¹ Перед нами живой, обаятельный, страстный человек, натура цельная и незаурядная.

И так же, как он умеет любить друзей, уважать товарищей по оружию, так же страстно он ненавидит врага за всё горе, причинённое его земле.

Понятие „плата за кровь“, которое было основой обычая кровной мести у горских народов в прошлом, в условиях Отечественной войны наполняется для Харуна новым социальным содержанием—беспощадной мести злобному, коварному врагу за все его преступления: „... Начались бои за Харьков. Февраль 1943 года. Глубокий снег; холод настолько пронизывающий, что, казалось, мог вывернуть рога пятилетнему быку. Безмерно трудно приходится бойцам наступающих частей. Но горят и земля и небо от огня. Жарко бойцам, как в летний зной. Массированное наступление на Харьков началось по приказу Верховного Главнокомандования.

Наша 97-я танковая бригада должна была наступать на одну из окраин города—Мерефу. Я находился в головной колонне. В то время, когда советские войска окружили Харьков и готовились взять его, гитлеровцы разрушали, жгли, превращали в пепел всё, что могли.

¹ Багъатырланы Х. Эсге тышюрюле, стр. 33—38.

ли. Минировали и взрывали прекрасные здания, жестоко расправлялись с жителями города. И на Мерепе немецкие поджигатели начали палить дома. Озверевшие фашисты расстреливали пулемётными, автоматными очередями советских людей—детей, женщин, стариков, пытавшихся выбраться из горящих домов через окна.

Я не мог, сердце моё не могло вынести этого зрелища, этой жестокости, и, не ожидая сигнала к атаке, я подал по радио команду своему батальону: „Вперед!“

Танки наши, неожиданно для врага, ворвались в улицы и начали крушить его. Душегубы-фашисты заметались в панике. Мы поклялись ни одного из этих убийц не выпустить из города, полностью взять плату за кровь погубленных ими в этом городе советских людей.

Враг пытался спастись в деревеньке Буда, находившейся к западу от Харькова, и бежал, оставляя в глубокоем снегу оружие, одежду. Но разве возможно спастись от танков! ..Мы вошли в деревню Буда. Мы были удовлетворены. Ночевали в деревне. Жители окружали нас, обнимали и целовали. Радость была настолько велика, что они не могли удержать слёз, плакали от счастья¹.

И другой момент из летописи Отечественной войны—капитуляции Берлина, о котором повествует Богатырёв, свидетельствует о бескомпромиссности его характера. Генерал Кребс из фашистского штаба обороны Берлина вел переговоры об условиях капитуляции с советским командованием в лице представителя Ставки генерала армии Соколовского. „Кребс удалился,—рас-

¹ Багъ атырланы Х. Эсге тюзюрюле, стр. 31—32.

сказывает автор о заключительном визите генерала. И тут совершилось злодеяние, которое ни одно сердце никогда не сможет забыть и простить кровавому фашизму.

В тот момент, когда сопровождавшие генерала Кребса и его свиту советские офицеры переправляли их за немецкие караулы, немцы открыли пулеметный огонь. Они целились в наших офицеров. Сопровождавший немецких представителей майор Белоусов побелел, схватился за грудь и упал. Наши солдаты, офицеры бросились к нему на помощь.

— Ох, собаки...— промолвил майор,— не доверяйтесь им никогда!.. Тотчас, без приказа, стихийно с нашей стороны открыли ответный огонь, вылилось наружу накипевшее у людей...¹.

Никакой рефлексии, никакой отвлеченной человечности мы не найдем в изображении подобных эпизодов у Харуна Богатырёва.

Со всей полнотой предстает перед нами Харун, как талантливый командир. Ничто не остается вне поля его зрения: ни жизнь танкового боевого подразделения, ни настроения отдельных бойцов и офицеров, ни бытовые условия, ни боевая техника.

Харун—прекрасный организатор и воспитатель воинского коллектива. Эти качества словно заложены в нем и проявляются с первых же шагов его на военном поприще. Он рассказывает о своей командирской службе в 97-й танковой бригаде в 1942 году: „В бригаде было три батальона. А батальоны не просто батальоны. Это были части со своей печатью, своим хозяйством. Мне дали первый батальон тяжелых танков.

¹ Багъ атырланы Х. Эсге тышюрюле, стр. 92—93.

Батальон располагался в лесу. Выстроил личный состав, познакомился с ним. Принял материальную часть. Не понравилось мне, как держали себя несколько человек из состава...

На второй день я зашел в штабную землянку. Вижу один техник-лейтенант лежит. Я спрашиваю, кто он. Отвечает, что дежурный части. Спрашиваю опять: был ли он вчера в строю, знает ли, кто я такой? Отвечает, что был.

— Почему же не отдаешь тогда рапорт? Кто тебе дал звание? Устав знаешь?—спрашиваю его и начинаю ругать.

А он в ответ:

— А вы разжалуйте меня,—и так дерзко. Я дал ему взыскание.

Вызвал старшего лейтенанта Иванова и приказал отстранить техника-лейтенанта от дежурства.

После этого в личном составе зашептались и, слышу, пошли разговоры: „Этот тыловой капитан больно уж крут, как бы ни слетел, не протянет долго, если будет так“. Они все время подчеркивали, что побывали уже в бою, и держались вызывающе. Но я не обращал никакого внимания на все это, и приводил „в чувство“ каждого, кто не подчинялся армейской дисциплине. „Бои еще впереди, там видно будет, кто смел“ („джигит кесин танытыр“),—говорил я¹.

Он не просто требует с людей, он учит их, работает вместе с ними. Досконально и со знанием дела он продумывает планы операций, изучает дислокацию противника, доводит тактический замысел до сознания каждого бойца и всячески поощряет боевую инициативу, находчивость и „чувство локтя“ в бою.

¹ Багъатырланы Х. Эсге тюзюрюле, стр. 14.

„От наблюдательного пункта генерала Зинкеевича к моей бригаде был протянут провод. Вечером меня вызвали к телефону. Говорил Зинкеевич:

— Товарищ Богатырёв, даю приказ тебе взять плато (возле деревни Сосновка на Курском направлении— А. К.)...

— Как же я возьму плато, если вы не смогли овладеть им, имея для этого большую силу?

Генерал не дал мне говорить.

— У тебя есть 8 танков, от меня получишь еще 6 самоходных орудий, собери все резервы, прояви инициативу, а потом уже решай самостоятельно, как можно овладеть этим плато! — отрезал он.

Сложность заключалась в том, что немцы заняли позиции, с которых просматривалась вся окрестность в радиусе 9—10 километров. Сколотили стальной кулак из „тигров“ и „фердинандов“, закрепились так, чтобы никто и не подступился. „Сегодня мы разгромили основательно русских и теперь, измотанные, они не посмеют напасть на нас“, — так, должно быть, рассуждали фашисты.

Угадывая их настроение, я задумал пустить танки в необычном порядке. В бою, помимо всего прочего, нужны сметка и хитрость. Я присоединил к своим 8 танкам еще 3 танка, вышедших в этот день из ремонта, у соседа взял 7 бронебойных орудий, организовал большой отряд пехоты. Присоединился ко мне и майор Зарубин со своим мотострелковым батальоном. С этими силами можно было начинать операцию, надеяться на успех.

Вечером мы пошли в атаку: танки и самоходные орудия поставили в один ряд, за ними выстроили пехоту. Поднялись на плато и двинулись вперед. Приказано было командовать и танками, и орудиями, и пе-

хотой мне. Чтобы не упустить ничего из виду, сам я двинулся пешком среди войсковых частей: в одной руке револьвер, в другой—ракетница, указываю красными и белыми ракетами, куда стрелять орудиям, в каком направлении атаковать пехоте.

Маневр оказался неплохим. Только вылезли „тигры“ и „фердинанды“, мы повернули орудия прямо на них. Уничтожали каждый танк врага, как только он появлялся. Наши танки и пехота прорвались к траншеям. Для нас и было самым главным—стремительно приблизиться к ним... Железные башни танков сослужили свою службу. Неприятель бежал, я пустил в небо ракету—взяли!

Немцы были в неведении относительно численности наступавших. Им казалось, что в бой введены свежие силы, и они, оставив все, бежали в направлении Сосновки¹,—рассказывает Харун об операции, разработанной и выполненной им, за что он получил благодарность от генерала Зинкеевича, благодарность, которую Богатырёв разделил с танкистами и пехотинцами, участвовавшими в этой атаке.

Харун умеет поднять настроение бойцов, зажечь их своим примером, ценит меткое слово, шутку, способность не терять бодрости, жизнелюбия в самых сложных условиях.

На стиле всей книги Харуна Богатырёва, его манере повествования, на принципах отбора материала лежит отпечаток военного профессионализма, раскрывается личность его как командира и как человека. Необщий, приблизительный рассказ о военных событиях, а конкретное, экономное и точное воспроизведение неповторимых эпизодов военной жизни составляет

¹ Багъатырланы Х. Эсге тюшюрюле, стр. 58—60.

главное содержание книги и ее достоинство. Трагизм войны воспроизведен без ложного пафоса и мелодраматизма.

Просто, подчас сурово, рассказывает Харун о мужестве и гибели своих боевых товарищей и командиров, для которых героизм стал нормой поведения. Главный герой книги, в которого „влюблен“ (Л. Толстой) автор ее—это высокая правда войны, несовместимая в его представлении с каким-либо приукрашиванием или ложью. Поэтому он не боится изображать пот, грязь, кровь, сопутствующие войне.

В ходе рассказа о своем боевом пути Харун рисует образы людей, сражавшихся с ним бок о бок. Они предстают перед нами во взаимоотношениях с бойцами и с командирами, с автором воспоминаний. Так проходят перед нами лаконичные характеристики комкора Зинкеевича, генерала Новохатко и полковника Плесно, командарма Рыбалко, генерал-лейтенанта Панфилова.

Больше всего страниц в книге уделено комкору Зинкеевичу, под непосредственным началом которого Богатырёв воюет дольше всего.

Своеобразны взаимоотношения Харуна с Зинкеевичем. В их характерах много схожих черт, что, с одной стороны,—рождает взаимную симпатию, а с другой,—позволяет отчетливее видеть свои недостатки.

Личная храбрость и мужество Зинкеевича дают ему моральное право быть требовательным к подчинённым, не бояться употребить свою власть, жестоко высмеять проявление нерешительности, медлительности, излишнюю осторожность. Примечателен для характеристики Зинкеевича случай, о котором рассказывает автор книги на страницах, посвящённых боям у г. Орла: „До конца боёв, около Орла, командовать бригадой возложили на меня. В том конце села Кутафино, где располо-

жила наша бригада, была церковь. Враг держал её на прицеле, обстреливал днём и ночью из пушек и миномётов, бомбил и не давал, что называется, поднять голову. Из-за этого саперы корпуса не могли возвести мост. Ранило в один из дней начальника штаба Летова... Вместо Летова назначили его помощника по оперативной части капитана Плотникова. Он тоже получил тяжелое ранение... Приказ генерала остался невыполненным. На второй день пошел сильный дождь, лил, как из ведра. Вокруг потоки, озёра воды. Но для Зинкеевича это не было преградой. Он не переставал ездить даже в самую скверную, слякотную погоду.

И вот Зинкеевич появился возле меня, будто вырос из-под земли.

— Где Потапов, он выполнил приказ?—спросил он сердито.

— Он во втором эшелоне, контуженный,—ответил я.

— А ты чем занят? Тоже ничего не делаешь!

— Товарищ генерал, я пришёл сюда недавно, на рассвете.

— А что с руками?

— Ранен.

— Раненые здесь не нужны,—резко сказал он,—отправляйся в санчасть.

Чувствуя себя обиженным (как говорят у карачевцев, вот и плети такому деду шерстяной учкур), я повернулся, чтобы уходить.

— Майор, вернись!—крикнул он.

Что, думаю, взбрело опять в голову, что он кричит вслед мне, и не очень охотно вернулся.

А дождь льет. Генерал бегом вошёл в церковь, его адъютант и я последовали за ним. Церковь внутри была забита вымокшими и спасающимися от дождя пешехотинцами, сапёрами, танкистами.

— Что, ворон свежуют здесь? Чего набились сюда? — закричал он на людей. Стоит упасть сюда хорошей бомбе, и от вас останется мокрое место, сейчас же выбирайтесь на улицу!

— Я не танкист, вам нет дела до меня, — заартачился подполковник пехоты.

— Ах так, — обозлился генерал, — а я покажу тебе сейчас, есть у меня к тебе дело или нет!

Зинкеевич выхватил наган и повернулся к нему, но я, ударив его по руке, направил выстрел вверх.

— Для генерала такое дело непохвально, — сказал я, — позор. Такие шутки надо бросать, товарищ генерал!

Он молча, медленно убирая наган, посмотрел остро на подполковника. Тот, помедлив, нехотя, вышел.

Здесь мы всех вывели из церкви, построили. Набралось около двухсот человек. Генерал разделил их пополам, назначил двух сапёрных инженеров командирами и дал приказ в течение двух часов, невзирая на дождь, возвести через реку понтонные мосты и обеспечить переход всех танков на противоположный берег.

Приказ его был выполнен беспрекословно и точно.

До этого случая, что скрывать, я недолго любил генерала, считал, что он вспыльчив. А сегодня я убедился, что он истинный джигит и волевой человек. Он выполнил сам тот свой приказ, который мы не смогли выполнить, и это стало для нас наглядным уроком. Генерал отлично знал, кто чего стоит и сколько стоит. Ненавидел, терпеть не мог он уловки, хитрость, мелкое интриганство, протекционизм, ложь...¹.

¹ Багъатырлары Х. Эсге тюшюрюле, стр. 55.

Живой, многогранный характер Зинкеевича не лишён недостатков. Этот человек бывает вспыльчив, не сдержан, порой несправедлив, опрометчив, но он отходчив и достаточно умен для того, чтобы монять быстро свою неправоту и исправить свои промахи. И мы вместе с автором книги успеваем полюбить его боевого командира и вместе с автором скорбим, читая страницы, посвящённые нелепой гибели комкора Зинкеевича.

С чувством юмора изображает Харун командира 31-й танковой бригады Новохатко, с которым его роднит оптимистическое мировосприятие и некоторая склонность прихвастнуть: „Новохатко был добродушным, степенным человеком. Он был склонен иногда поворачивать всё на родной украинский лад, давать разные прозвища людям, был всегда душой компании. „Деятель, сын великой Украины, блестяще справляется с делом, у нас все на месте!“ — говорил он о себе¹.

Лаконично, но с глубоким уважением характеризует Харун своего нового командира, полковника Плесно, присланного взамен Потапова, когда 3-я гвардейская танковая армия взяла Курск. Харун не скрывает предвзятого отношения офицеров-фронтовиков к назначению нового командира.

Но знакомство с Плесно разрушает эту предвзятость. Харун тепло говорит о нем: „Командир Плесно был талантливый, интеллигентный, добрый человек. Внешне очень привлекательный, приятный в общении, хорошо сложенный, умеющий ценить и беречь дружбу человека“.

¹ Багъ атырланы Х. Эсге тюшюрюле, стр. 70.

² Там же.

Идеальные черты Харун Богатырёв видит в облике таких военачальников, как командарм Рыбалко и комкор генерал-лейтенант Панфилов. Вот как он характеризует их образы:

„Командарм, дважды Герой Советского Союза, Семён Павлович Рыбалко был человек приземистый, плотный. По внешнему облику ему можно было дать лет 50, но лицо, глаза его были совсем молоды. Он облысел и лысина его блестела, а потому брил голову наголо. Генерал был исключительно деликатным в обращении с людьми. Никогда не видел, чтобы он был слишком рассержен, либо нерешителен, либо поспешен, что было нередко с Зинкеевичем. В самых сложных ситуациях он был ровен, внешне спокоен и выдержан.

Все единодушно отдавали должное его удивительной памяти: виденное однажды, он никогда не забывал, знал в лицо всех командиров батальонов и помнил их фамилии, имена и отчества. А как он был внимателен к нуждам и просьбам людей! Не помню случая, чтобы он унижил чьё-нибудь достоинство, либо пробирал без причины, был бы непоследователен. И в армии, и в правительстве он пользовался заслуженным уважением...“¹.

„Алексей Павлович Панфилов, Герой Советского Союза, был сухощавый, высокий. Ещё в гражданскую войну он служил комиссаром в армии. Всю свою жизнь, свои способности, силы он отдал укреплению военной мощи нашего государства. Он был в годах, но в чёрной его шевелюре не блестело ни единого седого волоска. У генерала был, как отмечали это все, очень приятный голос, тёплый взгляд и прекрас-

¹ Багъатырланы Х. Эсге тюшюрюле, стр 69.

ный характер. Он никогда не подчёркивал своё высокое положение, умел говорить и со старшими, и с младшими, где нужно и пошутит, и посмеётся...¹.

Но, кроме того, что изображение подлинно исторических деятелей периода войны, рассказ человека, сталкивавшегося с ними, интересны сами по себе, через отношение к ним раскрываются какие-то дополнительные черты характера самого Богатырёва, проявляется его самокритичность, трезвая оценка своих возможностей и воинских достоинств. Так, например, когда командарм Рыбалко предложил Богатырёву командование бригадой, либо полком, он ответил: „Товарищ командующий, ни полком, ни бригадой я не хотел бы командовать. Я хочу воевать в одном ряду с бойцами, быть всегда в бою, в сражениях. Не стремлюсь командовать, не жажду славы...“².

И на вопрос командарма, какого назначения он желал бы, Харун выразил желание служить и воевать в качестве заместителя командира 52-й танковой бригады.

Значение книги воспоминаний „За Отечество“ Харуна Богатырёва для карачаевской прозы очень велико. И, думается, будучи переведена на русский язык, она бы заняла достойное место в ряду мемуарных произведений многонациональной советской литературы. Во весь свой рост, во всей многогранности и жизненной правде предстаёт здесь характер одного из лучших сыновей карачаевского народа, характер, сложившийся в годы коренных изменений в его исторической судьбе.

Образа, подобного по своей силе и правде, карачаевская художественная литература ещё не создавала.

¹ Багъатырланы Х. Эсге тьюшюруле, стр. 70.

² Там же.

II.

Наряду с воспоминаниями Харуна Богатырёва для развития карачаевской литературы немаловажное значение имело появление книги С. Лайпанова об Османе Касаеве, сущность которой выражена в ёмком названии „Сын Карачая—герой Белоруссии“¹. Прежде, чем приступить к анализу самого произведения, необходимо представить себе хотя бы в самых общих чертах роль и место документального жанра в процессе развития всей мировой литературы на современном этапе.

Много очень интересных и тонко подмеченных сторон этой проблемы было осмыслено на дискуссии по теме „Литература, документ, факт“, проведенной редакцией журнала „Иностранная литература“ в 1966 году².

Основываясь на наблюдениях за развитием многонациональной советской литературы и литературы зарубежных стран, на высказываниях литературоведов и критиков, на изучении общественного мнения по этому вопросу, выступавшие пришли к единодушному выводу, что „рост интереса к фактическому, жизненно достоверному материалу в литературе, кино, театре бросается в глаза“³.

Общепризнано, что документальная литература сейчас полноправно соперничает с литературой художественного вымысла, и интерес к ней, обострённое внимание закономерно возникают в особенно напряженные периоды истории, когда общество находится в процессе

¹ Л а й п а н л а н о в С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск 1964.

² Материалы дискуссии — ИЛ, 1966, № 8, стр. 178—207.

³ Там же, стр. 206.

глубоких изменений, или идет к ним. Документальной литературе на современном этапе присуще необычное тематическое и жанровое многообразие. Особенно успешно развивает она тему второй мировой войны.

Историки литературы долгое время считали, что книги, созданные свидетелями и очевидцами второй мировой войны, запечатлевшие конкретные события, факты, образы людей „по горячим следам“ („В окопах Сталинграда“ В. Некрасова, „Дни и ночи“ К. Симонова, „Взятие Великошумска“ Л. Леонова и др.), не обладают достаточно высокой степенью художественного обобщения и что их значение ограничится ролью основы для создания высокохудожественных, полноценных повестей, романов, эпосов о Великой Отечественной войне.

Но, вопреки этой точке зрения, „документальная литература о второй мировой войне не иссякает и, кажется, нет человеческой судьбы тех лет, которая не привлекала бы интереса“¹.

Во многих выступлениях подчеркивалось „огромное значение, какое приобретает точка зрения, позиция того, кто наблюдает и отбирает факты, ставит в связь и делает выводы. Вольно или невольно — за каждой документальной книгой стоит личность художника, создавшего ее, и от направления его работы, от его эмоционального отношения к материалу, от его мировоззрения зависит какие факты привлекают его внимание, как он их группирует, какой смысл из них извлекает“².

В этом отношении показательна книга С. Лайпанова.

¹ Материалы дискуссии — ИЛ, 1966, № 8, стр. 206.

² Там же.

Какие факты привлекли его внимание? Его заинтересовала необычная судьба одного из сыновей карачаевского народа, который возглавил партизанский отряд на Могилевщине в Белоруссии, героически сражался в этом отряде и погиб в борьбе за освобождение советской земли от фашизма в 1944 году.

Уже посмертно, через много лет, в 1965 году герою книги С. Лайпанова было присвоено звание Героя Советского Союза. Рассказом о том, как писалась книга о нем, историей ее создания открывается очерк. Автор пишет, что в феврале 1958 года редакция газеты „Къзыл Къарачай“ (ныне „Ленинни байрагъы“)¹ командировала его в Могилевскую область Белоруссии собрать материал о партизанском движении во время Великой Отечественной войны. До этого было известно, что в лесах вокруг Могилева героически сражался партизанский отряд сына карачаевского народа Османа Касаева. Рассказы об отдельных эпизодах из действий партизанского отряда Османа Касаева были опубликованы Азаматом Суюнчевым на страницах районной газеты „По ленинскому пути“.

В Могилеве С. Лайпанов встретился с боевыми друзьями земляка, бывшими партизанами 121-го Красного партизанского полка. Они рассказывали об Османе, о жизни и делах отряда, которым он командовал, познакомили с документами, хранившимися в государственных и их личных архивах, многие из них передали автору будущей книги.

С. Лайпанов увидел могилу Османа в г. Могилеве, возле улицы Лазаренко (прежде Виленская), сфотографировал памятник, поставленный герою.

Работники Могилевского обкома Белорусской КП,

¹ В пер. «Красный Карачай» (ныне «Ленинское знамя»).

редакции „Могилевской правды“ указали, в каких архивах можно было найти еще документы о партизанском полке Османа Касаева.

Собрав, таким образом, полевой и архивный материалы в Могилевской области, С. Лайпанов направился в Минск, работал в партархиве. Он обнаружил много документов, принадлежавших перу самого Османа, а также другие свидетельства деятельности его полка. „...Я сопоставил рассказанное партизанами, боевыми друзьями Османа с тем, что было засвидетельствовано в документах и внес поправки в соответствующие места написанного мною к тому времени... Я старался передать дела и действия 121-го партизанского полка, его командира Османа Касаева так, как о том поведали мне партизаны“¹, — пишет автор.

В своей книге, посвященной Осману Касаеву, Лайпанов рассказывает отнюдь не только о герое-карачаевце. Это рассказ о судьбе одного из партизанских соединений, возникших и действовавших под Могилевом, о буднях партизанской жизни, ожесточенных схватках с врагом, о боевых друзьях и соратниках Османа; это рассказ о коварном и опасном враге, с которым не на жизнь, а на смерть они боролись. О человеке такого склада и такой жизненной судьбы, как Касаев, и невозможно рассказать иначе, выделив его из того потока событий, густи фактов, галереи лиц, которые сопутствовали ему и окружали его. Богатство жизненного материала, лежащего в основе содержания книги, продиктовало автору многообразие приемов повествования, непринужденность использова-

¹ Л а й п а н л а н ы С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, 1964, стр. 4—5.

ния всего арсенала выразительных средств документального жанра.

Каким предстает перед нами герой этого документально-биографического очерка — Осман Касаев? Как писатель лепит его образ?

Прежде всего, образ этот глубоко реалистический, правдивый. Автору чуждо стремление к идеализации героя, стремление сделать из него исключительную личность.

Поэтому повествование о герое он и начинает с самого обычного — с автобиографии, написанной собственной рукой Османа Касаева в 1943 году, автобиографии, которую пишет каждый советский человек при самых обычных обстоятельствах — при поступлении на работу, в вуз и пр.

В ней скупы даны основные данные о его социальном происхождении, о его родителях, об учебе, службе в армии.

Так же, как и судьба Харуна Богатырёва, эта автобиография отражает типичные черты молодого караевица, вышедшего из трудовой горской семьи.

В 1941 году, когда началась война, Осману было 25 лет. К этому времени он окончил начальную школу, педагогический рабфак, два военных училища. В предвоенные годы он служит в противотанковом дивизионе, потом в пехотном полку. Так же, как и Харун Богатырёв, он кадровый военный, и в числе первых принимает на себя внезапный удар гитлеровской военной машины.

За строками биографии мы ощущаем романтическую жажду подвига и идейную готовность встать на защиту Отечества — не пожалеть ради него жизни. Эти качества в высокой степени были присущи предвоенному поколению молодежи.

**Герой Советского Союза
ОСМАН МУССАЕВИЧ КАСАЕВ**

Более глубокое ознакомление с характером героя, его мировоззрением, его духовным и нравственным обликом дают нам воспоминания товарищей Касаева по рабфаку, по партизанской борьбе, его близких.

Частично эти воспоминания даются в пересказе автора, частично — в дословной записи тех, кто лично знал героя: „Товарищи Османа по учебе рассказывают, что был он всегда подобран, аккуратен, отличался жизнерадостным, общительным характером и доброжелательным отношением к людям, любил веселую шутку, острое слово; чувство юмора было свойственно его натуре, видно, от рождения“¹.

Эти черты характера не утратил Касаев и в трудные годы партизанской борьбы. Именно они помогали стойко переносить невгоды, лишения, опасность и не терять оптимизма, находчивости, умения поддержать дух окружающих личным примером в условиях партизанской борьбы. „В селе Отнянко был молодежный вечер. Пришли и командиры. В тот вечер Осман много танцевал со мной. Весельчак, шутник, юморист, неистощимый на выдумку, он был словно заряжен энергией, и умел, очевидно, в силу этих свойств своего характера, создавать вокруг себя атмосферу непринужденного веселья, бодрости и уверенности в завтрашнем дне. Как сейчас, передо мной его черные глаза. Он не знал, что такое бояться. Очень много пел. И ложился спать, и вставал с песней.

Его любимой песней было:

Кончим курс и по глухим селеньям
Разошлют нас в далекие края.

¹ Л а й п а н л а н ы С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, 1964, стр. 8—9.

Ты уедешь к северным оленям,
В жаркий Туркестан уеду я.

Он отпустил небольшие усы и бакенбарды. Носил, смотря по сезону, либо длинное кожаное пальто, либо бурку, башлык, защитную рубаху, каракулеву папаху, летнюю фуражку. „И какой шутник мог сказать, что кожаное пальто не промокает. Мое так начинает мокнуть, как только начинает собираться облачко на небе“, — посмеивался он¹, — вспоминает товарищ его по партизанской борьбе Юзефа Адамовна Иванова.

Но, конечно, в полный рост встает перед нами образ Османа в той части книги, где изображены первые месяцы войны и действия партизанского отряда, которым он командовал.

Здесь герой характеризуется главным — своими боевыми делами. И так же, как растет на наших глазах партизанский отряд, так растет, эволюционирует, открывается новыми гранями образ его командира.

О мужестве, выдержке, о готовности не складывать оружие, бороться в самых тяжелых условиях, быть там, куда призывают народ и партия самоотверженных своих сынов, говорит часть книги, названная „Къазауатны биринчи айында“ („В первый месяц войны“).

Разбит пехотный полк, в котором служил под Слонимом Касаев. Семеро, в их числе и Осман, остаются в глубоком тылу у фашистов, и, пробиваясь к фронту, наблюдают попытки оккупантов растлить души, сердца людей на захваченной территории, поработить их.

Но они слышат по радио и голос советского диктора Левитана, передающего призыв партии и прави-

¹ Л а й п а п л а н ы С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, 1964, стр. 99—100.

тельства организовать беспощадную партизанскую борьбу в тылу врага. Так приходит решение ответить делом на этот призыв. Семь человек становятся ядром будущего партизанского отряда.

То, как собирали силы, как организовали людей, как выбирали место для дислокации и действий отряда, как руководил Касаев этими действиями, говорит о незаурядных организаторских способностях командира партизанского полка.

Военные познания Османа принесли огромную пользу в ходе партизанского движения, утверждали его авторитет, давали ему моральное право командовать людьми. Это особенно ярко проиллюстрировано той частью книги, которая названа „Район дислокации отряда“ („Отрядны дислокация району“): „Весной 1942 года отряд Османа перебрался к окрестностям Могилёва. До самого лета 1944 года, когда присоединились к частям Советской Армии, отряд располагался в лесах, окружавших сёла Хрипелёво и Будище, в 25—30 километрах к западу от Могилёва. Там, в этих лесах, находилась база партизанского отряда Касаева. В селе Будище Хрипелёвского сельсовета в доме Исаака Ефимовича и Ксении Андреевны Афанасьевых работал штаб партизанского полка. Здесь же, в этом сельце, были госпиталь, санчасть, склады, интендантские подразделения.

Район дислокации 121-го партизанского полка, если взглянуть на его карту, напоминает треугольник. В этот треугольник входят вся западная часть Могилёвского района, начиная от самого города Могилёва, и восточная половина соседнего с ним Бельничского района.

На востоке этого треугольника—город Могилёв, на севере—шоссе Могилёв—Минск, на юге—железнодоро-

рожная линия Могилёв—Осиповичи и шоссе Могилёв—Гобруйск, а на западе—правый приток реки Друть. С лета 1942 года это была зона партизан. В течение двух лет—с 1942 г. по июнь 1944 года, когда освободились от оккупации, эта территория находилась в руках партизан, на ней действовала наша государственная власть. Её протяженность от восточной границы до западной составляла более 100 километров, от северной до южной—50—60 километров. Внутри этого района были расположены 44 села.

Что же заставило Османа перебросить отряд из Сипайловских лесов Белыничского района к Могилёву?..

Могилёв—большой железнодорожный узел с ответвлениями Могилёв—Орша, Могилёв—Кричев, Могилёв—Жлобин, Могилёв—Минск. Могилёв находился на железнодорожной магистрали, тянувшейся от Ленинграда до Чёрного моря за линией советско-германского фронта. Кроме того, от Могилёва к Минску, к Бобруйску вели прекрасные шоссейные дороги. Шоссе Орша—Гомель также пересекало Могилёв. Могилёв расположен к тому же у устья Днепра.

От самого Чёрного моря, выше Могилёва, Смоленска, до самого Дорогобужа ходят пароходы.

Таким образом, Могилёв—город с огромным населением, сильной промышленностью, прекрасными железнодорожными, шоссейными путями находился в руках немцев... Могилёв всегда был полон войсковыми частями, передвигавшимися в различных направлениях, возвращавшимися для отдыха либо для переформирования; в нём скапливалась техника, постоянно прибывали сюда и отбывали военные транспорты.

К тому же Днепр и его притоки—воды Друти были самой природой предназначены, чтобы держать оборону. При отступлении немецкие войска могли

воспользоваться этими преимуществами в своих военных действиях.

В силу такого важного военно-стратегического значения Верховное главнокомандование нашей армии и партизаны вокруг Могилёва не оставляли этот город вне своего внимания. Находиться в самой гуще вражеских войск, как можно больше урона нанести им, собрать возможно больше нужных для Верховного командования Красной Армии сведений—вот с этой целью Осман перебросил своих партизан ближе к городу Могилёву.

Немало удобств представляли окрестности Могилёва и для тактики партизанской войны. Недалеко от города, в западном направлении, начинались заросли мелкого кустарника, частые леса—смешанные. Они тянутся к западу до самой реки Друть, а на другом берегу уже леса становились реже, встречались островками, к тому же болотистыми.

Дороги там шли в глубине леса, а сёла располагались на лесных полянках. Как правило, окраинные дома прячутся в лесу. Эти места очень удобны для того, чтобы, находясь в лесу, держать связь с жителями сёл, поджидать в лесных зарослях противника, открывать внезапный огонь по нём, самому оставаясь невидимым; бесшумно подбираться к объекту нападения; быстро уклониться от боя, если силы врага явно превосходят твои возможности, и скрыться от него без потерь. Словом, эти места словно созданы для ведения именно партизанской войны.

Из всех партизанских частей, совершавших боевые действия на территории Могилёвской области, полк Касаева был расположен наиболее близко к городу. Целых два года полк Османа, вцепившись в

горло немецко-фашистского плацдарма в Могилёве, ни на минуту не давал покоя фашистам¹.

Касаев предстаёт перед нами в пятой части книги „Партизан джашауну кюнлери“ („Будни партизанские“), как человек инициативный, трезво оценивающий обстановку и умеющий использовать все возможности на пользу дела, как человек, видящий перспективу борьбы: он ставит перед партизанскими соединениями всё новые и всё более сложные задачи. Он всё более активизирует борьбу, ищет различные формы её: „Нельзя дальше ограничиваться мелкими стычками с неприятелем; нельзя больше бежать и прятаться от них. Мы должны увеличить количество партизан, превратить отряд в боевую армейскую единицу и беспощадно бить врагов нашей Родины, бить фашистских оккупантов. Пусть нас страшатся, пусть от нас бегут. И родина, и земля, и народ—наши, а мы—их дети. Нет живого, кто был бы бессмертен, так не будем же жалеть свои жизни. Пусть мы умрём, но чтобы наши мысли, дела, честь не умерли. Мы боремся за свободу Отчизны“², — обращается командир Касаев к партизанам.

Подлинный коммунист, он понимает, что сила движения партизан—в тесной связи с народом, с населением оккупированных районов. Поэтому он заботится не только о нуждах партизан, но и о нуждах крестьян партизанских деревень. Так, устами бывшего партизана Леоненко рассказано в книге, как отбирали партизаны у немцев реквизированных коров, лошадей, зимнюю

¹ Л а й п а н л а н ы С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, 1964, стр. 14—20.

² Там же, стр. 55.

одежду, продовольствие и раздавали их крестьянам. Всё сделал Касаев для выявления предателя, осведомлявшего фашистов обо всём, что делалось в одной из деревень, и предававшего своих односельчан.

В результате местное население оказывало Осману самую горячую поддержку, уважало его и восхищалось им. До сих пор образ этого человека и память о нём живут в сердцах людей, переживших то тяжёлое время.

Подлинный советский патриот, Касаев был интернационалистом по своим убеждениям. Бороться за свой маленький горский народ и за всю многонациональную Советскую страну было для него так же естественно, как дышать.

Здесь, в лесах и болотах Могилёвщины, Осман Касаев сражался так же беззаветно и самоотверженно, как если бы он защищал свои родные карачаевские ущелья. Чувство дружбы, товарищества, чувство интернационального единства было у него в крови. Недаром медсестра Остапенко рассказывает, что о нём, „сыне Карачая—герое Белоруссии“, сложили песню на мотив грузинской народной песни Сулико. Бок о бок с ним сражались его соратники белорусы, украинцы, русские, грузины. Гордостью Османа была интернациональная группа отряда из 16 человек. Эта группа проявляла чудеса храбрости, находчивости, военной хитрости. В основном она действовала на шоссе Могилёв—Минск. „Они поступали так,—рассказывает автор очерка в главе „Интернационал группа“ („Интернациональная группа“),—15—16 человек солдат переодеваются в немецкую форму, берут немецкое оружие и, выстроившись, маршем идут по шоссе. Стройный, сухощавый немецкий офицер шагает рядом и периодически подает команду своим солдатам. Этот „офи-

цер“—Балабенко. Вот, заполнив лес грохотом и ревом моторов и обдав бензиновой гарью равнодушно шагающих „немецких солдат“, прошла колонна немецких грузовиков. Офицеры и солдаты, сопровождавшие её, не обратили внимания надвигающуюся в порядке войсковую часть: она не вызвала никаких подозрений.

Широкое шоссе опустело. Партизаны в немецкой форме шагают, улыбаясь и перебрасываясь шутками.

Через некоторое время на дороге показалась немецкая легковая машина. Она приближается. Без сомнения, в этой сверкающей машине сидит не нижний чин.

Балабенко выходит на середину шоссе и поднимает руку, а „солдаты“ застыли ровными рядами в ожидании. Как же проехать и не остановиться? Машина останавливается. Балабенко идет и открывает дверь легкой, наводит парабеллум на сидящего рядом с шофером офицера, и на чистом немецком языке приказывает: „Руки вверх!“. Офицер, задохнувшись от страха при виде нацеленного прямо в лоб пистолета, пытается поднять руки вверх. Шофер же, надеясь тем временем выскользнуть вместе с машиной, нажимает на газ. Но одновременно с ним Балабенко спускает курок парабеллума. Офицер немеет, увидев, как шофер роняет голову на руль. Партизаны связывают офицера, бросают его на заднее сиденье. Балабенко берет руль. За исключением тех, кто поместился в машине, партизаны уходят в лес. Машина—а в ней связанный немецкий офицер—направляется в партизанский лагерь¹.

В боевых эпизодах раскрывается беспредельный

¹ Л а й п а н л а н ы С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, 1964, стр. 79—80.

героизм, личное мужество, бесстрашие и дерзость Османа Касаева. В главе „Джигитлиги кӳтхарды“ („Выручила смелость“) рассказывается о случае, когда Осман со своим адъютантом—Тамадзе и другими товарищами оказался окруженным в избе продотрядом фашистов, случайно наткнувшись на них в деревне. К трагическим последствиям могла бы привести беспечность Османа, не проверившего, поставлены ли часовые. Но, несмотря на то, что дверь избы находилась на прицеле у вражеского пулемета, Осман не только вырвался из кольца невредимым, но разбил отряд фашистов и угнал их продовольственный обоз.

Перед нами—характер героический, личность незаурядная. Однако автор далек от того, чтобы изображать его идеальным героем. В ряде описанных ситуаций можно отметить те моменты, которые свидетельствуют, что у Османа были и промахи, и недостатки. Их можно объяснить не только свойством его характера, но и неопытностью ведения партизанской войны, где за каждую крупницу опыта приходилось платить большой ценой. В эпизоде встречи с советским десантником он проявляет недоверие, а с другой стороны,—принимает в отряд двух перебежчиков—полицаев, недостаточно проверив их, и едва не губит весь отряд. Его можно упрекнуть и в безрассудной смелости, когда он позволяет себе забывать, что он командир и что отряд может потерять в его лице руководителя. Наверное, были у него трудные моменты.

Но тем не менее мелкие недостатки и человеческие слабости, наверное, как и всем людям, присущие Осману, проистекали и от какого-то переизбытка сил, смелости, молодого задора, лихости, несомненно составлявших отличительные качества его характера.

Стремясь к правде и только к правде в рассказе

об Османе Касаеве, С. Лайпанов понимает, что правда о его герое не менее увлекательна и прекрасна, чем любой художественный вымысел. „Я не стану утверждать, что в этих очерках смогу художественно воплотить образ Османа Касаева и нарисовать жизнь бойцов 121-го партизанского полка, но буду считать свою задачу выполненной, если смогу рассказать хотя бы немного о их боевых, ратных делах; рассказать так, как оно было“¹, — пишет автор в предисловии к книге. Для него Касаев — один из героических сынов советского народа, своей жизнью и смертью подтвердивший беззаветную преданность и любовь к социалистической Родине.

Документы, воспоминания, самохарактеристика (автобиография), отзывы товарищей, боевые донесения — из всего этого складывается целостный облик и вырисовывается жизненная судьба Османа Касаева. Рассказы товарищей, фотографии воскрешают его облик.

Это был один из тех людей, о ком слагают легенды, песни, чьим именем называют улицы, посёлки, кому ставят памятники, кто вечно живёт в памяти народной.

Рассказ об Османе Касаеве неотделим от рассказа о возникновении и действиях партизанского отряда, руководимого им. По документам, свидетельствам очевидцев и участников событий восстанавливает Лайпанов историю партизанского соединения. Эта история началась с решения семерых бойцов и офицеров Советской Армии, оказавшихся в августе 1941 года в тылу фашистских войск, начать партизанскую борьбу. Мы видим, как к отряду примыкают все новые и новые бойцы из местного населения, из советских военнопленных, перебежчиков из немецкой армии, а также

¹ Л а й п а н о в С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, стр. 5.

людей, по независящим от них обстоятельствам оказавшихся в стане врага, но осознавших свою ошибку, постаравшихся исправить ее и искупить.

Отряд количественно растёт, организационно укрепляется. К первому января 1943 года он насчитывает 840 человек. Устанавливается связь с Большой землей, подпольным райкомом, с партизанским штабом страны, с десантными частями и другими партизанскими соединениями Могилёвщины.

Отряд занимает выгодные стратегические позиции, контролируя один из важнейших коммуникационных центров врага — г. Могилёв, является олицетворением Советской власти в большой зоне, называемой „партизанской“.

О делах отряда рассказывается в 5-й части книги „Будни партизанские“. Здесь все основано на рассказах очевидцев, свидетелей — участников событий, подтверждено документами.

Композиционно эта часть состоит из 22 новелл, каждая из которых изображает один законченный эпизод — наиболее яркие страницы из партизанских былей. Эти эпизоды либо изображены автором, либо излагаются устами очевидцев. В последнем случае писатель стремится сохранить индивидуальную манеру рассказчика.

Новеллистичность этой части книги в известной мере восходит к традициям карачаевского фольклора, к издавна бытовавшему жанру хапара. Писатель здесь повествует так, как повествовал, может быть, его предок, разносивший дивные были. Только вместо пастухов у костра, вместо большой семьи и соседей, пришедших на огонёк у домашнего очага, вместо попутчиков на горных дорогах, вместо стариков на ныгыше и почтительно окружавшей их молодежи, теперь его аудиторией становятся тысячи читателей книги.

Но он обладает уже большими возможностями, этот трансформированный жанр хапара, чтобы убедить своих слушателей. Он может дополнить свой рассказ фотографиями, статьей из газеты, копией архивного документа, свидетельствами очевидцев.

Говоря о литературе 30-х годов и послевоенного периода, можно было отметить творческое освоение младописьменной литературы этого жанра фольклора, его сближение с рассказом. И чаще всего использовался он в качестве вставной новеллы (например, в романах Хасана Аппаева „Чёрный сундук“, Османа Хубиева „Аманат“ и др.).

В книге С. Лайпанова происходит дальнейшая эволюция этого традиционного жанра. Цепь внутренне законченных новелл, связанных развитием одной темы, восстанавливает события, факты, имена в хроникальной последовательности и, таким образом, приближает эту часть книги к жанру повести в новеллах, довольно характерному для современной прозы.

Такая композиция позволяет рассказчику выбрать наиболее яркие, наиболее драматичные и характерные эпизоды, оставить в стороне маловыразительные факты из боевой биографии отряда и Османа Касаева.

Этот новый для карачаевской литературы и своеобразный композиционный прием указывает на умение автора обращаться с фактом, с документом. В этом смысле к С. Лайпанову могут быть отнесены слова: „Ведь не только, чтоб создавать и писать художественное произведение, но и чтобы только приметить факт, нужно тоже в своем роде художника“¹. Таким

¹ Ф. Достоевский. Дневник писателя. — Цит. по статье П. Палиевского «Документ в современной литературе». ИЛ, 1966, № 8, стр. 179.

даром С. Лайпанов обладает. Его рассказ о боевой жизни отряда в её наиболее интересных и острых моментах обладает достоинством, присущим лучшей документальной литературе вообще: „Он задаёт работу умам, взывая не к нашей способности созерцать, а к нашей потребности узнавать, думать“¹.

Каковы же сюжеты новелл, которые можно было бы назвать литературными хапарами? Так, например, в главе „Пашково“ изображён ленинградский комсомолец Леонид Батий, бежавший из Гребенёвского концлагеря под Могилёвом. В отряд добрался не 20-летний парень, а живые мощи. После того, как его подкормили, к нему вернулись жизненные силы и способность воевать, мстить своим палачам. И тогда Касаев, вызвав его к себе, даёт ему очень ответственное поручение: „Немецкое командование усиленно пытается вербовать из среды советских людей „добровольцев“ и формировать из них воинские части для себя. Иди, завербуйся „добровольцем“ в один из таких батальонов и там, среди солдат, выполняй партизанские задания. Время от времени давай нам знать о себе“².

Нелегко было Леониду идти работать среди врагов и предателей, среди обманутых и запуганных добровольцев. Нелегко было войти к ним в доверие, преодолеть собственное внутреннее сопротивление заданной роли. Но ему удалось выполнить поручение блестяще. Он установил связь с командиром Сикорским, под началом у которого было три батальона „добровольцев“, и, распропагандировав, увел к партизанам 250 человек.

¹ С. Великовский. О факте упрямом и факте податливом.— Материалы дискуссии. ИЛ, 1966, № 8, стр. 201.

² Лайпановы С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, стр. 94.

В новелле „Эшелонланы къабхакъдан энишге“ („Эшелоны под откос“) рассказывается о начале и развитии „рельсовой“ войны с фашистами осенью 1942 года, о взрыве железнодорожного моста через реку Друть, о том большом ущербе, что был нанесен неприятелю в результате этих действий партизан. Была выведена из строя железнодорожная ветка, взрвано, сожжено, уничтожено 34 эшелона, 15 паровозов, 379 вагонов, 20 километров железнодорожного полотна.

Если глава „Пашково“ носит психологический характер, а глава „Эшелоны под откос“ рассказывает, главным образом, о действительности партизанской войны, то в главе „Тонланы сыйырыу“ („Реквизиция шуб“) преобладают юмористические интонации. Несколько партизан нападают на склад реквизированной немцами у населения зимней одежды, отбивают её. По наущению партизан, немцам доносят, что действовало, по крайней мере, человек 200 вооружённых пулемётами и автоматами партизан, а те торжествующе наблюдают из укромного местечка, как наутро движется к деревне целая карательная экспедиция, возглавляемая танком. „Отыскать партизанскую группу из 4—5 человек в лесах— всё равно, что искать иголку в стоге сена“,— посмеивались они.

Кроме изображения боевых действий и различных тактических приёмов партизанской борьбы с фашистами, автор рисует образы боевых товарищей Османа, партизан-десантников, крестьян, помогавших отряду,— представителей тех сил, которые боролись за правое дело.

С большой теплотой изображена в главе „Элден адамла“ („Люди из села“) Фёкла Михайловна Наумович—колхозница села Угольщина, которую бойцы называли „матерью партизанского полка“. Фёкла Михай-

ловна обстирывала, обшивала, кормила партизан, была связной и ни на минутку не опустила рук, хотя фашисты убили её родителей и трёх ребятишек—племянников.

Встреча с Фёклой Михайловной и её отцом была первым контактом с местным населением. Впоследствии немало таких женщин и девушек стало помощницами и опорой отряда.

Были среди местного населения и люди более сложной судьбы. В главе „Партизан бургомистр“ („Партизанский бургомистр“) изображён бывший секретарь сельсовета, оставшийся в деревне из-за своих стариков и троих маленьких детей. Немцы заставляют его стать бургомистром. Человек в растерянности, приходит просит совета. „Соглашайся,— говорит ему Осман.— Хоть раз бургомистра для них назначим мы“.

Впоследствии этот „бургомистр“ немалую помощь оказывал партизанам именно благодаря своему положению.

Большой дружбой связан Осман Касаев со своим адъютантом—грузином Давидом Тавадзе. Их роднила и смелость, и находчивость, и молодой задор; и немало было случаев, когда, рискуя своей жизнью, Давид спасал жизнь Османа.

Много таких образов, порой изображённых очень бегло, эпизодично, проходит на страницах книги. Но они предстают перед нами как люди высоких нравственных качеств, идейно убеждённые, верящие в победу добра и справедливости, в незыблемость Советской власти. Они—главная сила на своей земле. Естественно, они одерживают победу.

Взволнованными, от самого сердца идущими словами говорит автор об этих людях: „Партизаны, ушедшие в леса и оттуда внезапно нападавшие на окку-

пантов, проливавшие кровь, боровшиеся, не жалея своей жизни, с врагом, напавшим на Родину, не были какими-то чудо-богатырями. Это были обыкновенные, такие, как мы с вами, люди. И они хотели жить мирно, в кругу своей семьи, любили песню, любили веселое застолье и умели радоваться жизни. Тревожные, тяжёлые дни войны, кровавые злодеяния врага— вот, что досталось этим людям, всему советскому народу, поколению, которому ещё предстояло быть отцами семейств. Они теперь не расставались с винтовкой, спали, обнимая её, подстерегали врага у лесных дорог. Женщины, не испытав радостей материнства, ...повесили санитарные сумки через плечо, врачевали раненых в лесах без лекарств, медикаментов—врачевали в подпольных госпиталях, размещённых в мокрых и грязных землянках...¹.

Образам советских людей—партизан и тех, кто сражается плечом к плечу с ними, противопоставлены в книге С. Лайпанова образы гитлеровцев-оккупантов, предателей, полицаев, старост и др.

Изображая гитлеровцев и схватки с ними в главах „Песчанка эльде“ („В деревне Песчанка“), Джигитлиги кэутхарды“ („Выручила смелость“), „Падевичи“ и др., автор не преуменьшает упорства, боевых качеств, злобы и коварства противника. Бороться с таким врагом было нелегко, тем более в первый период оккупации в партизанских условиях.

Кроме того, что фашисты убивают советских людей, издеваются над ними, грабят их, истязают в концлагерях, угоняют в рабство, они стремятся растлить душу народа, делают ставку на самые тёмные, низменные

¹ Л а й п а н о в а С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, стр. 5.

инстинкты, на морально разложившихся людей и действуют разными методами—от расстрелов до запугивания, обманов и провокаций.

Об этом свидетельствуют страницы книги, посвящённые первым попыткам Османа и его боевых товарищей установить связь с жителями сёл. „Однажды вечером они (группа командиров и бойцов, среди них и Касаев) бесшумно, незаметно вошли в небольшое село. Подошли к самому крайнему домику, осторожно постучали. Хозяин дома, пожилой человек, настойчиво открыл дверь, поздоровался, сдержанно пригласил в дом, хотя, это чувствовалось, и без особого желания. Войдя в дом, они в надежде узнать что-нибудь новое о том, что делается на фронтах, что слышно в мире, попытались вызвать его на откровенную беседу. Однако, он не поддержал такой разговор. Отвечал на вопросы односложно: „да“, „нет“, и никак нельзя было понять, что он сам-то думает. Много людей пострадало в селе от немецких провокаторов. Переодевшись в красноармейскую форму, они приходили в село, провоцировали на откровенность, выведывали мысли, настроения людей, а потом предавали их. Перепуганные всем этим, люди замкнулись, стали приучать себя быть осторожными в каждом своём шаге. Села были под сапогом врага, открылся простор для насилия, предательства. Каждый боялся за свою жизнь. И человек этот, хозяин дома, подозрительно, с недоверием смотрел на неизвестных ему людей, явившихся сюда в форме бойцов Красной Армии.

В такое смутное время трудно угадать, что у кого таится в душе“¹.

¹ Л а й п а н л а н ы С. «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, стр. 12.

О том, как терроризируют население, рассказывает старик-белорус, которого с трудом заставили разговариваться Осман и его товарищи: „Ребята, может я и ошибаюсь, может, вы вовсе не наши бойцы, ведь много ходит таких, одетых, как вы. Я уже прожил положенную мне жизнь и бояться смерти мне не след, много ли теперь осталось доживать. Немцы принесли с собой тяжкий гнет, в селе нашем развели шпионов, агентов. Угрожают, что всех жителей села, близкие которых в Красной Армии, либо коммунисты, активисты, будут расстреливать. Повсюду стоят пулемёты... Враг жестокий и беспощадный давит и убивает нас“¹.

В главе „Предатель“ изображён человек, терроризирующий жителей тайными доносами на них, из-за чего люди живут в постоянном страхе, не доверяя друг другу.

Предателем оказывается угрюмый лесник, недавно переселившийся в деревню, но вынужденный во всём признаться партизанам, когда его уличили.

Глава „В селе Песчанка“ рассказывает о старосте, самолично казнившем двух советских офицеров.

Провокаторами оказываются два полицая—Федуля и Новиков, перешедшие к партизанам и выдавшие фашистам их местонахождение. В результате чего фашисты сумели окружить партизанский лагерь; отряд потерпел самое крупное поражение за время существования, почти разгромлен. Многие партизаны погибли, в том числе командир отряда Абрамов. Тогда предатели ушли от кары. А в 1948 году бывшего полицая и провокатора Федулю судил советский суд и вынес ему справедливый приговор.

¹ Л а й п а н л а н ы С. «Къара-чайны уланы — Белоруссияны джигити», Черкесск, стр. 25.

Но как бы ни были хорошо вооружены гитлеровцы, какое бы количественное преимущество они не имели, какую бы военную силу не держали они здесь, земля горела под их ногами. Они не знали покоя ни днём, ни ночью, помня, что в 30 километрах от Могилёва действуют партизанские соединения.

В подтверждение этого приводит автор текст инструкции немецкого командования: „Памятка о положении в партизанско-опасных областях“:

„Вся область между Днестром и Друтью страшно опасна от партизан. Всегда и всюду встречаются мелкие и большие группы партизан и акты саботажа (минирование дорог, взрывы и поджог мостов и т. д.).

Партизаны используют лес, пересечённую местность и овраги, как временные пункты для ночных нападений.

Воинские части, которые передвигаются по партизанско-опасным районам, должны строго соблюдать следующие пункты:

1. Осторожность—стоит выше удобств. Тесное расположение с замкнутым кольцом. Один единственный дом на опушке леса и располагаться в нём 3—4 бойцам—это самоубийство. Сильное охранение, только парные посты во все стороны. Автоматическое оружие держать наготове. Всегда назначать ответственного руководителя расположения.

2. Каждому человеку носить оружие при себе и готовое к стрельбе; шоферу во время езды носить оружие на шее. Пулемёты устанавливать в машине свободно и наготове. Командир части отвечает, чтобы каждый человек имел при себе достаточно боеприпасов: не менее 60 патронов на винтовку и 3 магазина на автомат.

3. Кроме того, при проезде через населённые пункты и полицейские гарнизоны всегда быть осторожными,

так как партизаны имеют связных людей среди гражданского населения и среди отдельных полицейских гарнизонов. В этих районах все подчинено партизанам и играет им на руку.

4. Ни одной отдельной или отставшей машине без доклада не проезжать.

5. Строгая охрана гражданских при военных частях. Ни одной машины не посылать с гражданскими без сопровождения немецких солдат.

6. Положение в этих районах подчинено этим правилам.

О покое и удобстве надо забыть. Сохранить человеческую жизнь.

Полковник ВИДМАН.

Какой вымысел может быть убедительнее этого документа?

Основное содержание книги, охарактеризованное выше, дополняется коротенькими „Блокнотдан къысха хапарла“ („Рассказами из блокнота“), представляющими собой фиксацию каких-то интересных моментов, деталей, штрихов из рассказов свидетелей, очевидцев, участников событий, знавших Османа Касаева лично. А в конце книги прилагаются копии архивных документов, в том числе приказы, выписки из донесений, партизанские оперативные сводки.

Среди архивных документов находятся характеристики на Османа Касаева, написанные командирами военно-оперативных штабов при подпольном райкоме и обкоме, комиссаром и др.

Третья группа архивных документов — это акты, памятки, инструкции, составленные оккупантами в связи с ростом партизанского движения на Могилёвщине.

Книга иллюстрирована 15 фотографиями Османа, его боевых товарищей. Вместо заключения автор даёт перевод статьи из „Могилёвской правды“ под названием „Сын Карачая—герой Белоруссии“, заголовок которой он и взял для своей книги.

Книга С. Лайпанова, когда вышла в свет, имела, прежде всего, общественный резонанс. С неотразимой убедительностью она рассказала о герое карачаевского народа, герое Белоруссии, жизненным подвигом которого могут гордиться народы Белоруссии и Карачаево-Черкесии.

Здесь сделана первая попытка дать анализ литературных достоинств и своеобразия этой книги, а также осмыслить её роль в развитии карачаевской литературы в связи с процессами, происходящими в мировой литературе.

При всей своей непритязательности книга С. Лайпанова может быть включена в тот большой поток документальной литературы, значение которого так высоко оценивает и мировая общественность, и мировое литературоведение. Эта книга может послужить примером страстной и кропотливой работы писателя над богатым фактическим, документальным материалом, примером стремления рассказать о герое своего времени и своего народа со всей полнотой, достоверностью и глубиной, доступной этому жанру в карачаевской литературе.

Хочется присоединиться к мнению одного из советских литературоведов о том, что документальные повествования „следует рассматривать в ряду полноценной художественной литературы наших дней. Традиционной эстетике стоило бы закончить с отношением к документализму как к чему-то второсортному, пересмотреть сложившуюся шкалу жанров, дав все права

гражданства рождающейся на наших глазах словесности особого склада"¹.

Повидимому, в представлении о мировом литературном процессе происходит переосмысление роли и места документально-мемуарных жанров, и мы являемся свидетелями того, что они занимают положение, равноправное с литературой художественного вымысла—рассказом, повестью, романом.

Что касается карачаевской литературы, то в ней всякое отступление от жизненной достоверности, от психологической глубины изображения характеров воспринимается особенно остро в сравнении с документально-мемуарными книгами Богатырёва и Лайпанова, появившимися в последние годы.

Но, с другой стороны, при оценке художественных произведений карачаевской литературы необходимо учитывать и те явления, которые неизбежны в процессе ускоренного развития письменной национальной литературы, существование которой насчитывает всего несколько десятилетий. Все это сказывается на путях развития реализма в карачаевской литературе. Явления, сопровождающие процесс ускоренного развития литературы, наблюдались и наблюдаются в младописьменных литературах разных стран и народов. Вот, например, что пишет академик Конрад об аналогичных явлениях в литературах стран Востока: „Литература в странах Востока на этом этапе их истории как бы торопилась. Едва—и вполне закономерно!—ступив на путь романтизма, она, не успев этот путь как следует освоить, уже спешила дальше—к реализму. Этим определялась одна с большей или

¹ С. Великовский. О факте упрямом и факте податливом.— Материалы дискуссии, ИЛ, 1966, № 8, стр. 199.

меньшей силой повторяющаяся почти во всех лигера-турах Востока своеобразная черта: при всем несомненном стремлении к реализму во многих произведениях, относимых к реалистическим, проступали—и часто весьма ощутимо—элементы романтизма, притом, обычно в крайне сентиментальной форме. Литература реализма как бы стремилась сама, внутри себя, восполнить недостаточную развитость необходимой предшествующей полосы. Реалистическая литература как бы сама в течение некоторого времени продолжала романтизм и, продолжая его, преодолевала, отталкивалась от него¹.

Подмеченные И. И. Конрадом явления в своеобразной форме наблюдаются и в карачаевской литературе.

Все усиливающееся стремление к углублению реализма не всегда свободно. Так как карачаевская литература не имела письменных традиций, то предшествующим ей этапом развития художественного мышления был фольклор.

Интересные мысли о соотношении молодых литератур с фольклорными источниками и инациональным эстетическим опытом содержания в статье Н. Джусойты „О национальной самобытности писателя“².

По мнению автора статьи, с которым нельзя не согласиться, в молодых литературах можно наблюдать изменение соотношения с фольклором на разных этапах развития. „Фольклорность произведений первых десятилетий молодых литератур была качественно иной, чем в пору их зрелости. Она характеризовалась обилием первичных литературных обработок памятников фольклора, покорным следованием за привычным фоль-

¹ И. И. Конрад. Запад и Восток, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1966, стр. 370.

² Вопросы литературы, 1968, № 12, стр. 33—52.

клорным мышлением и поэтикой устного народного творчества. Она сохраняла эту поэтику как эстетическую систему, хотя при этом пополнялись, а порой и обновлялись унаследованные изобразительные и выразительные средства“.

На этой первой стадии развития карачаевской литературы такой тип отношения к фольклору был очень плодотворным. Потому что устная поэзия карачаевцев с её многообразием жанров, с тяготением к эпичности, к реалистическому изображению действительности, к сохранению исторически конкретных деталей способствовала успешному и быстрому возникновению всех родов литературы—прозы, поэзии, драматургии. Развились всевозможные жанры—от басен и мелких лирических стихотворений до стихотворных переложений сказочных сюжетов и лиро-эпических поэм. А в прозе—от литературных обработок анекдотов Насра Ходжи до многопланового романа Хасана Аппаева „Чёрный сундук“ (1935). И все это в течение всего лишь десятилетнего периода существования молодой литературы.

Сравнительно интенсивное развитие прозаических жанров в значительной мере обязано развитой традиции устного рассказа (хапар, таурух), повествовательных жанров в фольклоре.

В 20-е—30-е годы молодая карачаевская литература интенсивно осваивает также опыт инонациональных литератур, прежде всего русской советской и классической. Но влияние более развитых традиций и богатого опыта русской литературы порой ощущается как нечто механически перенесенное на почву карачаевской литературы.

Так, в поэзии Азрета Уртенюва в начале его творчества наглядно прослеживается поэтика Пролеткульта

и „Кузницы“, использование характерного для них арсенала выразительных средств. В романе Х. Аппаева „Чёрный сундук“, в построении его сюжета и в системе образов несомненно влияние идейно-художественных особенностей романа М. Горького „Мать“. В произведениях карачаевских писателей периода 20-х—30-х годов мы встретимся и с моментами явного подражания русской советской литературе. Так, например, в 1936 году была написана Ш. Эбзеевым пьеса „Неопознанный труп“. Сюжет этой пьесы представляет собой историю вредительской деятельности и разоблачения агента одной из иностранных держав. Шпион работает в колхозе под именем убитого им агронома. Как мы знаем, подобного рода сюжеты получают широкое хождение в советской литературе с конца 20-х годов.

Характерным явлением тех лет была переводческая деятельность почти всех карачаевских поэтов и прозаиков. По существу это явилось школой учебы мастерству у русских классиков, тем более, что каждый из них стремился выбрать для перевода те произведения, которые были наиболее близки его творческой индивидуальности¹.

Все это вместе взятое — использование опыта фольклора и инонациональных литератур, особенно советской — помогает карачаевским писателям овладеть методом социалистического реализма, овладеть мастерством изображения новой, советской действительности.

Однако, несмотря на то, что писатели достигли в предвоенный период известных успехов в изображении исторических судеб своего народа, отразили широкий круг проблем действительности 20-х—30-х годов, созда-

¹ См. А. Караева. Очерки истории карачаевской литературы. М., 1963.

ли галерею образов новых людей, все же реализм их произведений был еще поверхностен и схематичен. Особенно это ощущалось в изображении характеров и обстоятельств, в которых общее преобладало над частным, момент обобщения над моментом индивидуализации.

Творческое мышление писателей в этом смысле как бы оставалось в плену привычных традиций фольклора: „Описывались новые, неизвестные фольклору жизненные коллизии, бытовые ситуации, человеческие поступки и характеры. Но законы фольклорного раскрытия характеров, психики и внутреннего мира героев сохранялись в их традиционной первозданности¹.

Это остаточное, если можно так сказать, явление периода формирования литературы дает себя чувствовать и по сей день в произведениях карачаевских писателей. Судя по очеркам историй национальных литератур от него не свободны и другие младописьменные литературы.

„...Если мы обратимся к весьма популярным в военной литературе произведениям наших национальных писателей, к таким как, например, „Айсолтан из страны белого золота“ Б. Кербабаева, то мы увидим в них черты своего рода эпической стилизации, упрощение характера героя, доводимого до некоей идеальной схемы. Типизируя характер героя не путем воспроизведения в нём многообразия живых страстей наших современников, а путем исключения из него всего, не подходящего под узкую мерку умозрительно-определенной „общезначимости“, автор, может быть, и создавал некий канон красоты, но красоты обедненной и порою

¹ Н. Джусойты. О национальной самобытности писателя. — Вопросы литературы, 1968, № 12.

безжизненной“, — писала З. Кедрина в статье „В поисках главного“¹. Там же З. Кедрина приводит аналогичное высказывание Мухтара Ауэзова о героях послевоенных романов Мустафина „Миллионер“ и Айбека „Ветры золотой долины“.

На современном этапе развития литературы можно наблюдать, как развиваются и трансформируются привычные формы художественного мышления. Одни из них, например, хапар, был, в некоторой степени и историко-героические песни, в современных условиях очень органичны, естественны и способствуют углублению реализма. Другие, например, романтические традиции сказочного эпоса, лирических песен, тоже присущи художественному мышлению современных каракаевских писателей.

Однако в стремлении литературы к реалистическому изображению действительности, являющемуся основным, эти традиционные формы художественного мышления еще не нашли современного органичного стилистического преломления. Они, как правило, ощущаются как стилистическая струя и в общем-то приходят в противоречие с реалистической направленностью произведения.

Отчетливее всего эту романтическую стилевую направленность можно проследить в характере изображения положительного героя и перипетий сюжетной линии, связанной с ним. В портретной характеристике героя — он всегда необыкновенно хорош собой — мы встретим многочисленные штампы. Характеристика духовного облика положительного героя предполагает традиционный набор высоких нравственных качеств, которые лишают его даже намека на неповторимость

¹ Вопросы литературы, 1964, № 4, стр. 41.

человеческую индивидуальность, сложную духовную жизнь и внутреннюю эволюцию.

Что касается перипетий судьбы героя, то они часто представляют собой цепь исключительных обстоятельств, из которых герой неизменно выходит с честью и совершенно благополучно, без малейшего урона.

Как приходит в противоречие с реалистическим изображением действительности подобная трактовка героя, мы подробно проследим на анализе романа Д. Кубанова „Эки заман“ („Два времени“).

Все сказанное выше отнюдь не означает, что традиционные романтические формы художественного мышления вообще противопоказаны современной литературе и не могут быть развиты, органически усвоены ею, так же как усвоены другие его формы. Мы, разумеется, говорили здесь об органическом усвоении и развитии, а не о механическом перенесении традиционных форм художественного мышления в современную литературу.

Тут следует отметить, что в национальных литературах за последнее десятилетие особенно отчетливо выявляется стремление возродить и развить во всей их самобытности те формы традиционного художественного мышления, которые не утратили своего общечеловеческого значения, сохранив национальное своеобразие. Это можно рассматривать как одну из форм дальнейшего развития культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, как дальнейшее обогащение ее.

Поясним это явление на примерах из младописьменных литератур других народов СССР. Органичное, непринужденное использование традиционно-фольклорных форм художественного мышления можно увидеть в стихотворных надписях на кувшинах, на кинжалах и

другом Расула Гамзатова. Глубоко национальные и традиционные по форме художественного мышления, они современны по общечеловечности мыслей, заложенных в них, по чеканной афористичности поэтического языка.

Так, очень близка нам мысль о высокой облагораживающей и животворящей роли большого искусства, его гуманистических традиций, выраженная в четверостишии:

Я Чагана, я не кинжал,
Но я сильней кинжала:
Живых людей он убивал,
Я—мертвых воскрешала.

Разве не воспринимается нами как современное, естественное выражение душевной щедрости и доброжелательности одна из надписей на дверях?

Ни в ранний час, ни в поздний час
В дверь не стучать, друзья.
И сердце отперто для вас,
И дверь моя.

Не звучит ли по-горьковски, т. е. современно, слово Человек с большой буквы в четверостишии—надписи на надгробии?

Он мудрецом не слыл,
И храбрецом не слыл.
Но поклонись ему—
Он Человеком был.

Обратимся к другому примеру, в котором форма народного мышления нашла более сложное преломление.

Первая мысль, что приходит в голову русскому читателю при чтении повести Чингиза Айтматова „Прощай, Гульсары!“ — это мысль о том, что в ней писатель блестяще развивает традиции русских классиков — повестей Л. Толстого „Холстомер“ и А. Куприна „Изумруд“. Однако это суждение будет поверхностным и поспешным, если не принять во внимание традиционно-национального образа мыслей, мировосприятия киргиза, вся сознательная жизнь которого на протяжении многовековой истории была связана с кочевым скотоводством, с конем, что не могло не отразиться на художественном творчестве народа. Конь для киргиза — богатство и товарищ; конь проходит рядом с ним через всю жизнь, и делиться с ним, как с разумным существом, своими мыслями для киргиза совершенно естественно.

Традиционная черта народного мышления органически выливается в произведении Чингиза Айтматова в своеобразную композицию, помогает писателю создать высокохудожественные, исполненные драматизма образы Танабая и Гульсары. Такие примеры можно было бы умножить.

Для того, чтобы показать, насколько органично вырастает из фольклорных традиций основа повести „Прощай, Гульсары!“, обратимся к наблюдениям М. И. Богдановой над киргизской акынской поэзией¹. Она отмечает, что у большинства народов Советского Союза, не имевших письменной литературы до революции, складывались предпосылки для перехода к письменной литературе, росли реалистические тенденции, опреде-

¹ М. Богданова. От фольклора к письменной литературе.— Вопросы литературы, 1957, № 1, стр. 147, 150, 151.

лялся индивидуальный стиль в творчестве народных певцов.

Анализируя песни Токтогула, она пишет: „Основным лирическим героем его лучших дореволюционных песен является образ самого акына. Этот образ он поэтически воссоздает, используя самые разнообразные приемы устной народной поэзии. Так, например, он обновляет старые, традиционные образы коня, кречета, сокола, через посредство которых раскрывает себя, свои переживания. Традиционные образы он разрабатывает в аспекте своей судьбы — судьбы изгнанника, узника, страдальца, и вместе с тем наставника народа, заступника его от произвола баев и манаров. Так, например, рисуя себя в образе коня, Токтогул отбирает существующие в народе различные названия коня по самым разнообразным его признакам, создавая новые выразительные метонимии. С образом скакуна (кулук) у киргизского народа, жизнь которого протекала в условиях кочевого скотоводства, связан целый комплекс представлений. Сразу встает благородный облик скакуна, его сила и выносливость в трудном пути, его непобедимость и постоянное первенство в состязаниях, излюбленном виде спорта киргизского народа. Отсюда и гордость обладателя таким конем, и много-много других ассоциаций“.

Токтогул, искусно отбирая различные свойства скакунов, называет себя „хорошо объезженным скакуном, равного которому не было в байге“, „скакуном сильным, без усталости проходившим однодневный путь“, „иноходцем (жорго), не сбивающимся с пути“, „тулпаром — боевым конем (сказочным, крылатым), всегда бежавшим карьером“. Эти сравнения, отбираемые по разным признакам, олицетворяющим силу, верность служению человеку, помогают Токтогулу создать образ

акына как слуги народа, его верного друга и заступника, наделенного огромной силой—каким и был Токтогул... Оказавшись в тюрьме, оторванный от семьи и народа, Токтогул в традиционных образах, но более разработанных и углубленных, передает свою беспредельную верность народу и бессилие помочь ему, находясь в изгнании. „Был я боевым конем, а теперь путами сковали мне „ноги“, „был я иноходцем, неутомимым в пути, а теперь превратился в клячу, потеряв свою гордую осанку“.

Мы не ставим перед собою задачу анализировать художественную ткань повести Ч. Айтматова в целом. Но в разрезе интересующей нас проблемы становится совершенно очевидным достигнутый художником органический синтез современного уровня художественного осмысления действительности с эстетическим национальным опытом, выработывавшимся веками. В результате и возникло произведение, находящееся на уровне высших достижений современной советской и мировой литературы и в то же время глубоко национально-самобытное. Характерной особенностью этого синтеза является то, что связи с фольклором становятся невидимы неискушенному глазу.

Повидимому, на современном этапе отношения молодых литератур с фольклорными истоками могут принимать самые разнообразные и плодотворные для обогащения литератур формы. И в каждом конкретном случае необходим тщательный анализ. Поэтому сейчас, как никогда, необходимы пристальное внимание к таким явлениям, тщательный их анализ, теоретическое осмысление и обобщение, что поможет научно, глубоко, в конкретных проявлениях осмыслить во всем объеме проблему национального своеобразия литератур младописьменных народов.

Теоретическое исследование вопроса, в свою очередь, должно дать плодотворные результаты для практики художественного творчества, для дальнейшего подъема национальных литератур.

Важно, чтобы национальные писатели осознали закономерность и сущность происходящего процесса, используя это знание в своих творческих поисках.

III.

Ханафи Эбзеев, автор повестей „Мунир“ и „На лезвии ножа“ был участником Великой Отечественной войны с её первых и до последних дней. Он воевал на фронтах Южном, 1-м Белорусском, 1-м Украинском. Служил разведчиком, наводчиком противотанкового орудия, командиром самоходно-артиллерийской установки, командиром взвода, а затем и батареи самоходно-артиллерийских установок.

И после войны он продолжал служить в противотанковых войсках. Демобилизовался в чине майора, получив шесть правительственных наград за время боевой службы.

Естественно, что боевой опыт Эбзеева, его военные впечатления послужили материалом для создания повестей.

Одна из них—„Мунир“ посвящена товарищу Эбзеева по оружию Муниру Халилову. Имя Мунира Халилова говорит многое карачаевскому читателю. Мунир—младший сын революционера Саида Халилова, одного из первых борцов за установление Советской власти в Карачае. Саид Халилов был основателем первого революционного кружка в ауле Верхняя Теберда, человеком образованным и умным, много сделавшим для

распространения знаний и просвещения в Карачае. Саид Халилов был убит контрреволюционерами в 1921 году. Исполнена драматизма судьба семьи Халиловых. Жена Саида Намыслы — коммунистка была схвачена и убита фашистами во время оккупации. Двое сыновей Саида — Рашид и Мунир — погибли во время Отечественной войны на фронте. Одного сухого перечня этих фактов достаточно, чтобы представить себе, насколько интересен мог быть рассказ о Мунире, о преемственности героических традиций отцов, об эстафете поколений. И тем более разочаровывает читателя произведение, созданное Эбзеевым.

Прежде всего, необходимо отметить жанровую неопределенность его, хотя в подзаголовке и значится — повесть.

Назвать повестью это произведение нельзя, потому что мы не можем проследить в нём развитие конфликта, не видим завершённой сюжетной линии. Писатель просто взял небольшой по времени отрезок жизни Мунира Халилова уже в армии, незадолго до его гибели. Причём главным объектом изображения здесь не является образ Мунира, идёт растянутое описание жизни одного из орудийных расчётов противотанковой артиллерии в первые месяцы войны. Мунир Халилов — старший сержант, командир этого расчёта. Если бы не прямое указание рассказчика — одного из бойцов расчёта, его друга и земляка, то сам читатель вряд ли пришел бы к выводу, что перед ним изображение одного из наиболее драматических моментов в истории Отечественной войны — её начального периода и временного отступления советских войск.

Драматизм ситуации в произведении почти неощутим. Печать вольного или невольного искажения событий тех лет, подлинной картины начального этапа

войны лежит на произведении Эбзеева, хотя оно вышло в свет уже в 1966 году.

Изображение будней войны имеет в этой повести Эбзеева иллюстративный характер. Здесь нет ни художественного исследования военной действительности, ни первооткрытий, никаких, по-новому, свежим взглядом увиденных деталей её. Ничего нового, ничего интересного в изображение войны Эбзеев не внёс.

Более того, писатель даже не смог сюжетно организовать тот материал, который был ему знаком как свидетелю и участнику событий.

Военная повесть не получилась.

Но, может быть, автору удалось создать повесть о герое — советском воине?

Повесть о герое предполагала бы изображение или перипетий напряженной внутренней жизни Мунира Халилова, эволюцию образа, или рассказ о ряде каких-либо драматических событий, участником которых он стал и которые завершились его гибелью. Ни того, ни другого в повести нет. Нет в ней по существу и непосредственных, живых воспоминаний о человеке, плечом к плечу с которым автор воевал несколько месяцев до его гибели.

Перед нами характерный пример того, как неумелое, непродуманное использование автобиографического и документально-мемуарного материала приводит писателя к творческой неудаче. Жанровая неопределённость повести привела к созданию композиционно рыхлого и бессюжетного произведения, где нет ни завязки конфликта, ни его высшего накала, ни разрешения.

Какими же средствами изображает автор образ Мунира в повести? В чём сущность созданного им характера?

Образ Мунира в повести Эбзеева имеет очень немного точек соприкосновения со своим реальным прототипом. Здесь, можно сказать, у героя нет прошлого, которое каждый человек несет в себе; нет биографии, печати, которую, безусловно, наложила на него память об отце и семье. В сознании героя живет лишь то, что он карачаевец. Основным средством характеристики Мунира в повести являются возвышенные речи, которые он произносит по разным поводам. То эта речь о достоинстве воина в бою, которую он произносит накануне наступления перед единственным слушателем-рассказчиком, то эта речь о ценности человеческой жизни, „произнесенная“ после спасения марала от гитлеровских солдат; либо это надгробное слово над могилой погибшего командира взвода лейтенанта Орлова.

Вряд ли военная обстановка периода отступления была подходящим местом для произнесения речей, а обстоятельства, которые изображены в книге,—тем более. Резонерски-отвлеченный характер этих речей не соответствует и предполагаемой правде героя, его положения.

Мы, по существу, не видим героя в действии, тогда как образ боевого командира должен характеризоваться, прежде всего, своими поступками. И рассказчик, и расчёт орудия при каждом удачном выстреле воздают хвалу своему командиру. Таких выстрелов было два. Кульминацией развития событий в повести становится эпизод с маралом, занимающий непропорционально большое место в повести.

Автор подробно описывает гитлеровских вояк—полковника Вольфа, подполковника Майера, капитана Рудольфа, их трапезу—стол, уставленный яствами и напитками в разнообразных бутылках; разглагольствова-

ния собутыльников. Все эти образы и картины созданы по некоему шаблону, извлечённому, совершенно очевидно, из многочисленных дежурных фильмов о войне. Завершается эта трагедия приказом капитану Рудольфу с автоматчиками преследовать русских, подразделение которых замечено невдалеке. По пути следования капитан Рудольф замечает марала, которого неплохо было бы подстрелить и презентовать охотнику и любителю дичи—полковнику Вольфу. Фашистские автоматчики гонятся за маралом, а бойцы из расчёта Мунира с возмущением наблюдают за этой картиной. По приказу Мунира они вызывают раненого марала и, перевязав ему ногу, отпускают на свободу с напутствием не попадаться больше в лапы фрицев: „Когда бой прекратился, бойцы, обеспокоенные судьбой марала, принялись искать его. Неподальёку раздался голос. Адей звал к себе: он нашёл раненого марала лежащим на земле. Несколько бойцов пустились бегом к этому месту. При их приближении, марал дрогнул, попытался подняться. Однако бойцы, ухватив его, кто за голову, кто за ноги, не дали ему подняться. Очевидно, от страха, весь он дрожал мелкой дрожью, широко раскрытые влажные глаза его были устремлены в сторону. Пуля перебила ему правую ногу ниже колена, алая кровь спеклась в тёмные сгустки меж копытцами, застыла как молозиво.

Мунир обработал рану йодом, там, где прикасалась рука Мунира, кожа марала дрожала и ходила под рукой. Марал пытался подняться. Но мы не пускали. Мунир достал сумку с медикаментами и перевязал ногу марала. Видно, стало легче после перевязки—раздалось глубокое ух-х-х, марал вздохнул, изогнув шею, грустно взглянул на Мунира большими чёрными глазами. Окончив перевязку, Мунир подтолкнул его рука-

ми, веля подниматься на ноги, произнёс: „Беги, беги подальше, иначе попадешься опять в лапы фрицев, и тогда тебе несдобровать“, — и ласково похлопал его по спине. Марал прошёл тяжело хромая, потом остановился, немного помедлил и, шевеля куцым, как у козленка, хвостиком, пустился вперед и скрылся в лесу. Мы же вернулись обратно, и, выполняя приказ командира, в скором времени переменили позиции, приготовились встретить врага огнем...“¹.

Вот характерный образчик исключительных обстоятельств, в которых действует герой, идеализации и романтизации характера, доведенных до явной сентиментальности.

Мунир красив, благороден, умен, находчив и мужествен, верный товарищ и нежный влюбленный. Но эти качества раскрываются не в поступках его, а в славословиях рассказчика и других персонажей по его адресу. У Мунира на родине осталась невеста — девушка по имени Марьям. Эпизод с чтением её письма Муниру служит лишь дополнительным средством выразить восхищение героем, только на этот раз нежными женскими устами. Иного назначения в композиции произведения это письмо не имеет: „Сегодня Рамазанчик, мой младший братик, кажется, ты его знаешь, мама иногда приходила с ним к нам на рабфак, заметил твою фотографию в рамке — ведь дети теперь такие глазастые и приметливые стали.

— Кто он, этот в островерхой шапке, ання?, — стал он приставать к маме.

— Он тоже наш, — ответила мама, потом добавила, — друг Ибрагима.

¹ Мунир. — Эбзеланы Ханафи. Бычакъны ауузунд, Черкесск, 1966, стр. 38.

² Ання — уменьшительное от анам — мама.

— Ну, пожалуйста, ну скажи, как его зовут,—продолжал он, не отставая...

— Мунирушка его зовут, мальчик мой, Мунирушка,—ответила мама ему.

— А я рассмотрю тогда, как следует, Мунирушку, друга нашего Ибрагима,—сказал Рамазанчик и ушел в школу только после того, как вдоволь насмотрелся на твою фотографию.

И теперь, Мунир, у меня большая просьба к тебе. Ты слишком горяч, решителен до безрассудства. Об этом пишет мне и Валентина¹,—тревожится Марьям в своем письме к Муниру.

Александр, боевой товарищ Мунира, тоже подтверждает эти качества героя: „И Марьям, и Валя прекрасно знают и без меня о твоей смелости“,—говорит он Муниру.

Образ Мунира, если бы автор следовал своей собственной заявке, должен был отразить процесс усвоения юношей-воином „науки ненависти“ к фашистским захватчикам и убийцам. Ведь недаром эпитафия повести гласит: „Все народы твои в братском содружестве во имя жизни щедро излили ненависть свою на врага в дни испытаний“. Однако вся трактовка образа Мунира Халилова дана в другом плане, который гораздо ближе характеризует строками Твардовского:

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

¹ Мунир. — Эбзеланы Ханафи. Бычаклы ауузунда, Черкесск, 1966, стр. 53.

² Там же.

Воевать за жизнь—это прежде всего, воевать за лучшее в человеке, за сохранение его человеческого достоинства в самых трудных условиях, за его способность быть верным другом и товарищем, верным и благородным возлюбленным, любить природу родной земли, оберегать на ней всё живое.

Эта позитивная позиция писателя, к сожалению, раскрылась в образе Мунира менее удачно и менее выразительно, чем, может быть, в целом во всей художественной ткани произведения. Декларации Мунира, его роль в эпизоде с маралом, его взаимоотношения с Марьям, которые, по мысли автора, служат раскрытию его гуманизма, жизнелюбия,—наиболее бледные, шаблонные и надуманные моменты повести.

В характеристиках других персонажей, в образе рассказчика, в пейзажных зарисовках идея жизнеутверждения порой раскрывается гораздо искреннее, ярче, убедительнее. Борьба за сохранение человеческого достоинства, чести мужчины, солдата в трудной боевой обстановке очень тепло и убедительно показана в образе одного из бойцов орудийного расчёта—карачаевца Сосурана. После разговора Мунира с рассказчиком о необходимости морально подготовить солдат к боевому испытанию в предстоящем наступлении, мы видим Сосурана совершенно потерявшим самообладание во время бомбёжки. С обезумевшими глазами на посеревшем лице, он весь трясётся от страха. Вид бойца вызывает у его товарищей чувство неловкости и гадливой жалости: „Надо, чтобы таких маляриков не было у нас“,—говорит один из них. Вскоре после боевого крещения, которое Сосуран выдержал с честью, он пытается разобраться в том, что же произошло с ним во время бомбёжки, и откровенно делится с рассказчиком своими мыслями: „Оллаги, я уже устал от

размышлений о том, как это произошло. Вел себя, как пастух, который спокойно опустился на землю и сидит, положив возле себя красную кизилковую палку после того, как вывел и рассыпал стадо на сочную зеленую траву. Я положил винтовку возле себя и расставил ноги, после снял заплечный мешок и неспеша развязал его. Сунул в мешок руку, нашарил среди разных свертков сухарь, достал его и начал грызть. Сухарь был твердый, не по моим зубам. Тогда я передвинул вперед фляжку, висевшую у меня сбоку на поясе, и, не вынимая из чехла, отвинтил крышку, капнул воды на сухарь, откусил, чуть пожевал и только хотел проглотить, как раздался страшный, оглушительный звук, подобный грому, и началось что-то невообразимое. Над головой раздалась пулемётные очереди, на меня посыпались срезанные ветки, зелёные листья. Пули просвистели мимо. Я, наверно, заторопился, не успел проглотить кусок, половина его застряла где-то в горле, я задохнулся. Нагнулся и пытался правой рукой бить по спине. В это время недалеко от меня разорвалась бомба, задрожала земля, и от оглушительного взрыва заложило мне уши. Что-то ударило меня в спину, и я, как был нагнувшись, не смог устоять на ногах, покатился кубарем. Но я быстро вскочил и, словно подражая циркачам, попытался расправить тело. Встал, и будто завертелись деревья, и я вместе с ними. Шатаюсь, как пьяный, я немного прошёл и крепко прижался к дереву, чтобы не случилось еще какой-нибудь беды. Решил, что все с нами конечно. Сердце мое мелко стучало, ноги подкосились. И даже в тот момент, когда вы подошли ко мне, я не совсем оправился от страха.

Потом уже, когда вспоминал этот день, тысячу вещей приходило мне на ум, от стыда я не мог смотреть

вам в глаза. Отделался ведь я легко: кусок дерева ударил меня по спине. Да и то с пользой: помог проглотить кусок, застрявший в горле...¹.

Рассказывая, он подтрунивает над самим собой. И этот жадный самоанализ, беспощадная самооценка больше дают для раскрытия внутренней жизни эпизодического персонажа и ее эволюции, чем хвалебные эпитеты в адрес Мунира. Небольшой эпизодический образ благодаря этому вдруг ожил, обрёл плоть и кровь и неповторимую человеческую индивидуальность, пройдя на наших глазах маленький, но, может быть, один из самых значительных отрезков своей боевой судьбы.

Есть такие живые, неповторимые чёрточки и в образе рассказчика. Его любовь к родной земле, и то, что он горец, не просто обозначены. Они зримо раскрываются перед нами в лирическом отступлении, начинающемся размышлениями о свойстве человеческой памяти и воображения живо воскрешать прошлое. Рассказчик вспоминает образ родного края: „Удивительно устроен человеческий мозг: в мгновение ока он обнимает весь мир, делает зримым все далёкое, вызывает тысячи мыслей. В течение нескольких кратких мгновений чего я только не представил, чего только не вспомнил: украшенные стройными соснами до самых белых вершин высокие горы Карачая. Изпод громадного сугроба выбегает, сверкая серебристой змейкой, струйка снеговой воды; то скрываясь в трещину скалы, то вновь струясь и белея на виду, она стекает в ущелье. Зеленая узкая долина, вытянувшись, как бархатный ковер, в длину, упирается

¹ Мунир. — Эбзеланы Ханафи. Бычакъны ауузунда, Черкесск, 1966, стр. 24—25.

одним концом в основание горы Чотча, а другим, словно обручем, обняла озеро Тубанлы Кель. От самого основания горы Чотча до устья реки Муруджу па-суться стада овец. Пастух сушит на конце палки про-мокшие в утренней росе чабыры. Тубанлы Кель не шелохнется, словно застыло оно, поверхность его глад-кая, как стекло... Густые травы лугов, поросшие ярки-ми душистыми цветами, на Тамчи Баши прошли пере-до мной, как на экране кино. Вот Тамчи Айры.

Белые облака опустились на вершины седовласого Минги Тау и возвышается он гордо, словно, как хозяин этих мест.

Къайынлы Тала. Взгляни на красоту этого города. Под Бал Къая ансамбль в огневых плясках. И Кубань течёт удивительно чистая, прозрачная, совсем такая же голубая, как воды Теберды. Мара Аягъы скорее похож на город, чем на село. Мать, держа за руку маленького Алия, выглядывает, наверно, на бугре, не иду ли, не возвращаюсь ли к ней я, её сын...¹.

Через восприятие рассказчика даны в повести и другие картины природы, например, красочный пейзаж большого украинского села, который воспринимается особенно остро в связи с нависшей угрозой вражеского наступления. Эта восприимчивость к красоте природы, любованье ею характеризуют рассказчика, как человека глубоко миролюбивого, для которого война тяжёлый, но необходимый труд.

Каков этот труд, мы видим в эпизоде, где артилле-ристы подтаскивают и устанавливают на позиции свои орудия. Напряжены все силы. Пот льёт ручьём, зали-

¹ Мунир. — Эбзеланы Хапафи. Бычакъны ауузунда, Черкесск, 1966, стр. 9—10.

вает и ест глаза. Поневоле ищешь спасения в юморе, в ироническом рассуждении о превратностях судьбы артиллериста, ещё вчера взиравшего сверху вниз на бедного пехотинца, шагавшего с полной выкладкой по пыльной дороге.

К сожалению, этим и ограничены своеобразные черты облика рассказчика, который мог быть нарисован с гораздо большей глубиной и полнотой. Лирическое начало, в котором сливается образ рассказчика и авторское „я“ в повести, мало ощутимо. Оно не индивидуализировано, страдает трафаретностью.

В заключение несколько слов о повторах в повести „Мунир“. Автор не сумел избежать однотипности в пейзажных зарисовках, в описаниях боёв. Описания похорон лейтенанта Орлова, а затем Мунира и сопровождающие их речи почти не отличаются друг от друга.

Перед нами вещь, явно не удавшаяся автору, произведение, которое свидетельствует о пренебрежении законами жанра, композиции и сюжетостроения. Очевидны следы непродуманности и спешки в использовании жизненного материала, хорошо знакомого автору. Какую же цель в таком случае мы преследовали, анализируя произведение?

Во-первых, чтобы показать, как необходимо писателю чувство ответственности перед поднимаемой темой, как необходимо ему ясное понимание того, что нового хочет он внести в разработку этой темы по сравнению с многочисленными, высокохудожественными произведениями, имеющимися в многонациональной советской литературе.

Эбзеев назвал свою повесть именем Мунира Халилова. Это уже обязывало его ко многому. Но главным образом — к творческому и максимальному использова-

нию документально-мемуарных материалов, собранных впечатлений для изображения конкретного исторического лица, реально существовавшего человека, чей облик, родословная, биография, конкретный жизненный фактаж известны так или иначе национальному читателю. Между тем конкретные и реальные сведения о Мунире Халилове автором не использованы. И, по существу, герой произведения мог носить любое другое имя. В таком случае повесть, наверное, вызвала бы меньше упреков.

В данном случае авторский произвол совершенно недопустим, и он мстит за себя.

Что касается возможных способов изображения, то использование конкретных черт реального Мунира Халилова и событийной канвы его жизни ни в коем случае не помешали бы созданию характера в высшей степени романтического и даже идеального, как это было, например, сделано в романе Фадеева „Молодая гвардия“ с образами молодогвардейцев.

Неудача Эбзеева вызывает тем большее сожаление потому, что, если бы он успешно осуществил свой замысел, отнёсся к его претворению в жизнь с большей ответственностью, он смог бы создать произведение, по-настоящему новое и значительное для карачаевской литературы, и уже в силу этого самобытное для советской литературы в целом.

Другой урок, который вытекает из творческой неудачи Эбзеева, заключается в следующем: на современном уровне художественного осмысления военной темы повесть Эбзеева выглядит как анахронизм, потому что в ней нет подлинного историзма. Сейчас национальный писатель не в праве забывать о том неизмеримо выросшем культурном уровне, которого достиг его читатель, о том, что он удовлетворяет своё стрем-

ление к осмыслению, познанию действительности чтением не только произведений карачаевской литературы, но и всей многонациональной советской и зарубежной литературы. Ис этим необходимо считаться; надо воочию представить себе, как воспринимается читателем такая повесть, как „Мунир“, после романов Симонова „Товарищи по оружию“, „Живые и мёртвые“, „Солдатами не рождаются“, после повестей Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Быкова и др.

В противовес повести „Мунир“, другое произведение Эбзеева „На лезвии ножа“¹ представляется нам удачным, прежде всего по интересному использованию хорошо знакомого автору военного материала.

Автобиографическая основа повести — служба автора в противотанковой артиллерии, в танковых войсках. Отличное знание боевой техники, специфических черт военного быта танкистов позволили Эбзееву написать о жизни танкового экипажа на хорошем профессиональном уровне. События и обстоятельства, изображаемые в повести, не вызывают сомнений в своем правдоподобии, хотя некоторые из них и исключительны по своему характеру.

Автор находит интересное композиционное решение темы: она раскрывается на контрастном изображении жизни двух танковых экипажей — советского и фашистского, действия которых определяются штабами того и другого танковых подразделений.

Противопоставление это строится не только на внешнем конфликте — на столкновении двух танковых подразделений в бою за хутор Важный. Основное — это противопоставление двух точек зрения на эту войну,

¹ Эбзеланы Ханафи. Бычакъны ауузунда. Эки повесть, Черкесск, 1966, стр. 79—105

двух различных, по сути, стратегий и тактик, морального духа двух армий—Советской Армии и немецко-фашистских войск.

Цель одних—агрессивный захват чужой земли, цель других—защита своего социалистического Отечества. Тактика одних шаблонна, у других—имеет гибкий и творческий характер.

Так, мы видим, что для Рейхенау незыблемыми остаются те тактические приёмы, которых он придерживался с самого начала войны. Догматизм его военного мышления приводит к тому, что он не считается с изменившимися обстоятельствами: советские танковые войска уже не те, которыми они были в июне 1941 года.

Полковник Богатырёв, в противоположность Рейхенау, на горьком опыте первого периода войны достаточно хорошо изучил тактические приёмы гитлеровских вояк, чтобы выбирать новые, наиболее выгодные планы и решения. Контрастны, по сути дела, те начала, на которых строятся взаимоотношения по службе и отношения к своему воинскому долгу бойцов и командиров враждующих армий. Мы видим на примере штаба Рейхенау и поведения майора Лютца, что главным для гитлеровских вояк является субординация, педантичность, стремление сделать карьеру, угодить начальству, исполнительность, доведенная до автоматизма. Мы видим, как в штабе Рейхенау офицеры, предложив свой вариант контрнаступления, в то же время не позволяют себе отстаивать его, хотя вариант Рейхенау явно обречён на провал.

Совсем иную, творческую атмосферу изображает Эбзеев в штабе Богатырёва. При всём умении ценить воинскую дисциплину и соблюдать субординацию, Богатырёв считает необходимым выяснить точку зрения

всех присутствующих командиров, найти наилучшее тактическое решение боя совместными усилиями. Советские танкисты воюют не во имя корыстных целей, не из желания прославиться и выдвинуться. Ими движет стремление освободить родную землю от захватчиков, уничтожить фашизм, доказать не только военное, но и нравственное преимущество советского народа.

Характерно, как осмысливаются причины победы в этом бою у хутора Важного в штабе Богатырёва и причины поражения в штабе Рейхенау.

Поражение озлобляет Рейхенау, усиливает отчуждённость между ним и офицерами штаба. Каждый стремится взвалить вину и ответственность на другого.

В штабе Богатырёва прекрасно понимают, что победу принесли самоотверженность и мужество бойцов, каждый из которых умел прекрасно сориентироваться в бою и выбрать самостоятельно наиболее верное решение общей задачи. „По правде говоря, здесь виноваты оба они (Рейхенау и Лютц). Разве можно было забывать о силе и мощи Советской Армии, которая их бьёт так, что они не могут подняться, гонит их изо всех селений и городов? Как они не понимают той огромной разницы, что есть между осознающими свою правоту и окрылёнными борьбой за правое дело советскими солдатами, и унижёнными, надломленными сознанием своей неправоты, немецкими солдатами“, — как бы резюмирует автор¹.

Основная сюжетная линия повествует об одном из боевых эпизодов в жизни танкового экипажа лейтенанта Огнева, в составе которого воюют карачаевцы Бийнёгер и Исмаил. Экспозиция изображает танкистов

¹ Эбзеланы Ханафи. Бычакъны ауузунда, Черкесск, 1966, стр. 139.

на стоянке в лесу перед наступлением. Завязка конфликта—вступление танкистов по приказу комбрига Богатырёва в бой за хутор Важный, где они сталкиваются с немецким танком, которым командует майор Лютц. Наивысшего напряжения события достигают в тот момент боя, когда танк Огнева в пылу сражения оказывается во рву с водой, откуда выбраться самостоятельно не может.

Драматизм создавшейся ситуации усиливается тем, что майору Лютцу в этот момент приходит в голову мысль захватить танк целиком со всем экипажем и отбуксировать его к командиру немецкой танковой части полковнику Рейхенау.

Однако мужество, выдержка и находчивость бойцов экипажа Огнева приводят к неожиданной развязке, которой помогает нелепая, но вполне вероятная случайность. В тот момент, когда танк Лютца вытаскивает на буксире советскую машину изова, советский водитель-механик включает мотор и на третьей скорости делает рывок вперёд. Водитель вражеской машины, стукнувшись лбом о щиток управления, теряет сознание, и советский танк на полной скорости тащит к своим позициям потерявшую управление немецкую машину.

Одним словом, фашистские вояки совершенно неожиданно попадают в плен вместе со своей боевой техникой. Майор Лютц кончает жизнь самоубийством.

Как мы видим, сюжет повести, развивающийся стремительно и лаконично, имеет приключенческий характер. Перед нами, несомненно, произведение военно-приключенческого жанра, то есть явление новое в разработке карачаевской литературной темы Великой Отечественной войны. Нельзя сказать, что авантюрно-приключенческие элементы были чужды карачаевской

литературе до сих пор. Повесть Эбзеева развивает традиции карачаевской литературы: как мы знаем, приключенческий характер имела пьеса Батчаева „Ахмат-Батыр“, посвящённая теме гражданской войны; приключенческие элементы мы найдем и в книге Д. Кубанова „Голос в горах“ на страницах, посвящённых гражданской войне в Карачае. Один из эпизодов повествует о том, как младший брат Канамата Ибрагим, переодетый белогвардейским офицером, является в аул к старшине Каншаубию и, втершись к нему в доверие, становится во главе отряда, который должен препроводить к белым скот и обоз с провиантом. Естественно, что он препровождает его не к белым, а к красным.

Однако, в следовании этим традициям, повесть Эбзеева „На лезвии ножа“ не подражательна. Если в вышеназванных произведениях приключенческая линия напоминает чудесные похождения непобедимых сказочных героев из народа, мужеством, хитростью, ловкостью одолевающих врагов; если в связи с этим нельзя не вспомнить повесть Бляхина, „Красные дьяволята“ и знаменитый в те годы одноимённый фильм, то в повести Эбзеева приключенческий элемент лишён чудесной сказочной окраски и имеет характер реалистический и вполне правдоподобен. В этом смысле Эбзеев делает шаг вперёд в карачаевской литературе.

Что касается характеристики героев повести, то они даны художественными средствами, типичными для военно-приключенческой повести. Эти характеристики лаконичны. Поскольку герои характеризуются действием, основные черты каждого образа определяются или их военной профессией, или их своеобразной ролью в жизни экипажа.

Лейтенант Огнев охарактеризован, прежде всего,

как командир танка. Он решителен, находчив в трудных обстоятельствах, ему в высокой мере присуще чувство ответственности за действия и судьбу вверенных ему людей и танка. Это человек смелый, энергичный, в то же время он не способен на необдуманные поступки и умеет сохранять хладнокровие.

Чертами народного балагура, живостью характера, бесстрашием и хладнокровием отличается наводчик Бийнёгер. Он из тех, кто умеет шуткой, острым словом поддержать бодрость духа, создать настроение боевого задора в экипаже. Чем-то напоминает он Тёркина, который и в бою, и на привале становится центром всеобщего внимания. Лучше всего характеризует Бийнёгера его рассказ о необыкновенном приключении, случившемся с ним на марше. Рассказ представляет собой вставную новеллу в духе хапара: „Этот внезапно начавшийся бой длился недолго. Разгоревшись, как последняя яркая вспышка гаснущей искры, прекратился он разом, словно по команде. Сообразив, что перестрелка кончилась, я решил, что мне теперь надо сворачиваться, и, сунув за пазуху пистолет с пустым барабаном, стал подниматься с позиции на обочине дороги, где я лежал на животе. И тут вдруг вижу слева от себя приближающийся бронетранспортер, груженный пулеметами, и следовавших за ним в боевом порядке солдат. И он, и катившееся за ним орудие были немецкие. Но мне это и в голову не пришло. Я решил, что это трофеи, захваченные нашими. Двигаются они мимо меня, а я стою себе на обочине, будто парад принимаю, только что под козырек не взял!

Потом спохватился и подумал: чего стоять, как изваяние, у дороги, пройду-ка я пока с ними, а там встречу кого-нибудь из своего полка. Впереди ко-

лонны шли двое и, как говорится, где двое, там и третий, пристроился я к ним, и мы зашагали втроем.

У меня, сами знаете, есть привычка—на марше либо бок, либо руку своего спутника вечно задеваю локтем левой руки. И по сей день не могу избавиться от этой дурной привычки. Что вошло с кровью, то уйдет только с душой, говорят у нас. Наверно, на том свете только избавлюсь от этого! А в ту ночь я толкал своего спутника локтем в бок через каждые два шага, потому что болела все-таки раненая нога. Он же был настолько погружен в себя, что ему было не до меня, иначе он хоть бы раз удосужился взглянуть на того, кто меряет дорогу рядом с ним. Я уже прошел вместе с ними самое малое сто метров, как, совершенно случайно, обратил внимание на немецкую каску на голове шедшего слева от меня солдата. Врагу не желаю такого: я шел с немцами. „Слева—Азраил, справа—Джебраил“, так и я: и впереди фрицы, и сзади фрицы, со мной рядышком, дружно, со сверкающими пистолетами в руках наготове два офицера! Тут всего меня пробрал холодный озноб, волосы на голове стали дыбом, а танкошлем на голове словно поднялся. Я начал трястись, как в лихорадке. С быстротой воды, низвергающейся с высокой кручи, пронеслись в моей голове сотни самых невероятных планов и решений. Но разве в лихорадочном состоянии может голова придумать что-нибудь разумное? Надо было прежде всего привести себя в равновесие. Я сжал крепко зубы, пытаюсь как-нибудь положить конец этой противной дрожи. Проклинаю себя, на чем свет стои: ты женщина, тебе на голову надо натянуть платок, и всегда ты отличался тем, что не разбирал, что чем пахнет. Не смог отличить своих от немцев. Возьми себя в руки! Даже зверь, попавший в силки, бьется, чтобы выб-

раться из них. Ты же все-таки человек, балда! Соображай, раз уж попал ты, как безмозглый баран, забравшийся в колючки, в беду, полез, не ведая, куда. Успокойся! Если еще раз ошибёшься, на вторую промашку уже времени у тебя не будет. Не бойся, фрицы еще не поняли, кто ты! А-ха, перестал я трястись,—всего меня заливают теперь холодным потом. Немного пришел в себя. Эх, опять задел локтем плечо немца... Хоть бы он не повернул головы в мою сторону. Не повернул. К счастью, он, видно, такой же дурень, как и я... иначе он давно спустил бы с меня три шкуры. Решение, решение... Ага, нашёл. Главное, не паниковать... Дойду до моста, где любовался природой, и прыгну там в речку. Нет. Можно разбить голову об громадные валуны. До чего же дорога жизнь, не хочется умирать... Что-то горит у меня внутри. Терпение. Думай, думай! Нашёл. Сверну в овраг слева от дороги. Немного отлегло от сердца. Теперь, кажется, возвращается самообладание, и я смогу обдумывать каждый свой шаг. Незаметно для фрицев начал брать вправо. Как раз в этот момент офицер взмахнул правой рукой, скомандовал „шнелль!“ и одновременно повернул голову в мою сторону. Мы впились взглядами друг в друга. Понял, собака! Ну, теперь соображать некогда. Выхватил я из-за пазухи пистолет, ткнул концом дула немца в подбородок и бросился бежать в овраг. Не успел я рвануться вправо, как вслед за мной раздался выстрел и что-то твердое ударило в спину, словно стукнуло концом железной палки. Наверно, выстрелил второй офицер. После прыжка я стал, падая и опять поднимаясь, спускаться по крутому склону оврага и добрался до извилистого ручейка, протекавшего по дну его. И хорошо, что я так поступил. Потому что на темной поверхности воды я был не так заметен. А ес-

ли бы вздумал свернуть просто в сторону—стал бы на белом снегу отличной мишенью для немцев.

Один раз споткнешься—сто раз пошатнешься, говорят. Веселого мало, за одну ночь дважды меня ранили. И уж совсем плохо, что пуля попала в поясницу. Плохо дело, если рана серьезная. Сделал я несколько глубоких вдохов, но боли никакой не почувствовал. Ну и хорошо! Что ни говори, жить хочется. Черная смерть ходит вокруг тебя, хватает за горло, а ты все равно барахтаешься, чтобы вырваться. Что только ни приходило в голову, а глаза все равно, не отрываясь, смотрели на дорогу. А там слышны выстрелы. чёткие автоматные очереди, как град, разрывают в тишине воздух.

Вот, неожиданная беда. На склоне показались два солдата. Сомнения нет, они ищут меня. Опять заколотилось сердце. Но первый испуг уже прошёл. Ну, нет. Я свою жизнь даром не отдам! Нагнулся, сунул руки по самые локти в холодную воду, нашарил, взял два голыша и приготовился ими встретить немецких солдат. Один из них плашмя растянулся на самом верху склона, повернув ко мне подошвы своих сапог. Второй начал сползать задом вниз в овраг. При виде этой картины я сообразил, что им не до меня вовсе. Немцы, перепуганные внезапным появлением среди них красного солдата, рассыпались по обе стороны дороги, строчат из автоматов по чём попало, а некоторые из них, как эти двое, прижались к земле и притихли.

Второй солдат, не переставая сползать вниз, коснулся носками сапог воды и остановился. Между нами два шага, разделяет нас только довольно густой куст высотой по пояс человеку. Солдат заметит меня, как только повернёт голову в мою сторону. Нагнулся, влез под куст, не шелохнусь и держу его на прицеле,

Краем глаза очень хорошо вижу лежащего немца: автомат у него надет на шею и висит поперек груди под подбородком. Правая рука у него на курке, а все внимание на дорогу. Как бы выбить у него оружие? Это очень трудно, но будет хуже, если этого не сделать. Будь, что будет! Попробую. Лучше погибнуть, но попытаться... Вперёд! Надо сделать шаг вперёд незаметно для солдата. Эх, опять мое сердце зачастило, что-то и воздуху не хватает, а глаза ничего другого, кроме автомата солдата, не видят. Не поднимая головы, разогнул колени, не вытаскивая из воды, передвинул левую ногу вперёд, перенес тяжесть тела на неё, подтянул к ней вторую ногу... Сердце чуть не выскакивает. По всему телу прошла горячая волна, дышу часто и коротко. Как удобно сейчас круглый голыш, что у меня в руке, запустить в его затылок, но что делать, каска у него на голове, от удара загрохочет каска и больше ничего. Надо дать ему по уху. Только я поднял руку, чтобы ударить его, как рукав моей шинели зацепился за куст, раздалось шуршание и, к моему счастью, солдат, испугавшись, обернулся в мою сторону. Тут я размахнулся и хватить камнем его по лицу. Выхватив у него автомат, повернулся к дороге, только приготовился стрелять, а там по-прежнему только подошвы сапог плашмя лежащего немца виднеются.

Через некоторое время автоматные очереди на дороге затихли, послышался удаляющийся шум моторов. Это уходил бронетранспортер.

Наверно, слишком поздно сообразил лежавший солдат, что часть его уходит, он хотел вскочить, как ужаленное слепнем животное, но руки, ноги его заскользили на обледеневшем склоне, он начал неудержимо сползать вниз. Как ни пытался солдат, но удержаться не смог.

жаться не смог. Так он медленно скатился к ручью в овраг и тут вскочил на ноги. Но тут заговорил автомат в моих руках; фриц, как подгнивший столб, свалился в воду. Готовый стрелять, я немного подождал. Не увидев больше ни одного немца, я забрал автомат и у второго солдата, затем по оврагу вернулся на прежнее место¹.

Менее индивидуализированы в повести образы механика-водителя Остапа Кириченко и Исмаила. Но это не имеет особого значения, поскольку автору важнее всего показать этот маленький коллектив, очень дружный, сплочённый, спаянный в одну семью пережитыми вместе превратностями солдатской судьбы, привязанностью к своей машине, которая стала для них и домом, и другом. Поскольку событийно-приключенческая линия составляет главное содержание повести, углублённые психологические характеристики здесь могут и не иметь места. И несмотря на это индивидуализация характеров персонажей могла быть более яркой. Тем более, что в повести можно найти пример наблюдательности писателя, его умения удивительно метко и вместе с тем лаконично создать образ героя, например, образ Харуна Богатырёва в следующем отрывке:

„Когда майор подошел к полковнику Богатырёву и подполковнику Александрову, лейтенант Савченко, сидевший в это время за столом, понял, что речь пойдёт о нём, поднялся с места и встал по стойке „смирно“.

— Товарищ полковник, у меня есть просьба к Вам и к комиссару. Я слышал, что сегодня вы посылаете командиров танков для моего батальона.

— Да, посылаем вам и командиров, и новые танки.

¹ Эбзеланы Ханафи. Бычакны аузунда, Черкесск, 1966, стр. 92—99.

Но если вам они не нужны, не будем посылать,—ответил полковник и заговорщически толкнул в бок подполковника Александрова.

— Нет, они, конечно, нужны. Только я прошу, чтобы командиром одного из танков Вы назначили лейтенанта Савченко,—сказал майор.

Полковник, мигнув майору и опять легонько толкнув комиссара локтем в бок, сделал очень серьёзное лицо:

— И комиссар, и я с удовольствием послали бы его. Но лейтенант Савченко сам выразил желание работать только в штабе, настаивает, что эта работа ему по душе и просит не давать ему другого назначения. Вот поэтому мы его никуда и не посылаем, считаемся с его просьбой.

При этих словах лейтенант Савченко, не поняв шуток, весь покраснел:

— Товарищ полковник, штабную работу, мало сказать,—не люблю, я её ненавижу. В этой коробке я себя чувствую заживо похороненным. Вы только пошлите меня. Если не справлюсь, тогда шея моя—тоньше волоса.

Тут, поняв, что лейтенанта проняло не на шутку, все трое расхохотались.

— Лейтенант Савченко, не сердитесь. Подойдите сюда и сядьте,—сказал полковник.

Тот отказался сесть, встал перед полковником.

— Вы, оказывается, ловкач. Перетянули на свою сторону Александра Александровича (так звали комиссара), Петра Петровича. И втроем со мной боретесь. Куда мне против вас троих? Что поделаешь, удовлетворяю Вашу просьбу. Посылаю в батальон майора Белоглазова... Но у меня тоже есть просьба к Вам: боевые качества бойцов заключаются не в безрассудной

и отчаянной храбрости, а в умении ориентироваться и решительно, хладнокровно выбирать наиболее разумные решения. Помните об этом¹.

В воображении всех, кто знал Харуна, его облик возникнет с необыкновенной живостью при чтении этих строк.

Конечно, повесть Х. Эбзеева „На лезвии ножа“ не является откровением для современной литературы о Великой Отечественной войне. Но для карачаевской литературы она интересна своей художественной завершенностью, мастерством композиции и умелым построением сюжета, т. е. той чёткой организацией художественной ткани произведения, которой так недоставало и недостаёт ещё произведениям карачаевских прозаиков. Преобладание показа над рассказом, действительных моментов над описательными в изображении событий, в характеристике образов, отсутствие длинот, повторов — все это выгодно отличает произведение Эбзеева и вместе с тем вполне соответствует законам избранного им жанра — военно-приключенческой повести.

Анализ двух повестей Эбзеева — „Мунир“ и „На лезвии ножа“ — позволяет сделать в высшей степени instructive выводы о причинах творческих поражений и удач. Если в первой повести интересный самобытный материал, находившийся в распоряжении автора, интересный замысел были испорчены пренебрежением законами жанра, непродуманностью и спешкой, безответственным отношением к теме, то во втором случае ничем особенно не примечательный военный анекдот стал основой занимательной, остроконфликтной, идейно

¹ Эбзеланы Ханафи. Бычакъны ауузунда, Черкесск, 1966, стр. 148—150.

насыщенной повести, представляющей собой интересный вклад в развитие карачаевской литературы. В ней есть то чувство меры и та степень художественного мастерства, которые свидетельствуют о современном уровне писательской культуры, не на подражательной, а на органической ступени её усвоения национальным писателем.

IV.

Существует установившийся уже взгляд на то, каким путём, в какой последовательности происходит освоение той или иной темы в литературе: от очерка, документально-мемуарных произведений к рассказам и повестям, а затем к роману, как синтетическому жанру, способному охватить многообразие действительности, ее многогранность. Поэтому при анализе развития темы Великой Отечественной войны в современной карачаевской прозе логично завершить его рассмотрением романа Дахира Кубанова „Эки заман“ („Два времени“)¹.

Дахир Кубанов создал большое по объему произведение—роман в трех книгах и шести частях, охвативший широкий круг событий военного времени на фронте и в тылу, показал сложное преломление этих событий в судьбах и духовной жизни многочисленных персонажей.

Роман Дахира Кубанова в какой-то мере автобиографичен, потому что автор сам был участником Великой Отечественной войны. Его военная биография во многом схожа с военной судьбой главного героя

¹ Къобанланы Д. Эки заман. Роман, I китаб, Черкесск, 1965; II китаб, 1966, III китаб, 1968.

романа Назира Батырова. В основных чертах в романе Дахира Кубанова воспроизводятся подлинные события, происходившие во время войны и оккупации в Карачае и на некоторых участках фронтов Отечественной войны. Таким образом, в основе романа лежат исторически конкретные события, но это, конечно, не дает основания считать его произведением документальным.

Для того, чтобы был ясен ход дальнейших рассуждений и анализа, необходимо хотя бы вкратце передать содержание романа „Два времени“,

Первая книга изображает главного героя Назира Батырова в канун войны. Мы знакомимся с ним, когда он, курсант военного училища, сдаёт выпускные экзамены и получает назначение для прохождения дальнейшей службы в Перемышль. После этого, получив отпуск, он со своим другом, молодым офицером Хухриковым приезжает на родину, в Кисловодск. Вскоре после приезда его знакомят с Бэлой, красивой и скромной девушкой из семьи, которая связана давними дружескими отношениями с семьей Батыровых. Молодые люди полюбили друг друга. Обе семьи счастливы породниться. И после того, как Бэла дала согласие, сговор состоялся. Назир возвращается в свою часть. Быстро мелькают дни, наполненные обычными заботами и работой лейтенанта артиллерийской батареи. Рядом друзья по училищу, товарищи по службе. И лишь одно омрачает жизнь Назира — разлука с любимой и то, что от Бэлы нет писем. Читатель узнает о причинах её молчания: дело в том, что у влюблённых, не подзревающих об этом, есть недоброжелатели. Есть в Кисловодске семья, с неприязнью и завистью наблюдающая за всем, что происходит в доме Нюрхан — матери Бэлы. Это старик Тохтар, его дочь Канитат. Они считают виновником ареста мужа Канитат в 1937 году

брата Бэлы—Юнуса, работавшего в НКВД, в то же время не против породниться с семьей Нюрхан—женить на Бэле своего сына Ахмата. Это желание не бескорыстно: они надеются таким путем предотвратить призыв Ахмата в армию. Когда их надежды рушатся, так как Бэла обручилась с Назиром, они стремятся всячески помешать будущему браку Бэлы и Назира. С этой целью Канитат, выдав себя за двоюродную сестру Бэлы, перехватывает у почтальона все письма Назира. Естественно, возникает недоразумение, которое ни одна, ни другая семья, попавшие в неловкое положение, не решается выяснить. Пользуясь этим, Канитат посылает в часть Назиру лживую телеграмму о том, что Бэла, якобы, вышла замуж за другого человека, и подписывает её именем брата Назира—Рашида. Ничего еще не подозревающие Назир и его друзья готовятся к встрече Нового года. Мы видим радостные предпраздничные хлопоты в клубе воинской части, как собираются возбуждённые, весёлые командиры. Комиссар части во время банкета завершает свою поздравительную речь раздачей писем и телеграмм, пришедших в канун праздника. И когда вместо поздравления от невесты, Назир получает известие о её замужестве, это оказывается для него страшным ударом. Благодаря усилиям друзей недоразумения устраняются, Назир едет домой. Но свадьба омрачена грозным известием о том, что началась война. Мы видим Перемышль в момент нападения фашистов на нашу землю. Затем идёт драматичная картина отступления наших войск под напором превосходящих сил противника. С ожесточёнными боями отступает часть Назира, попадает в окружение, разбита и получает приказ командования выбираться, просачиваться через линию окружения группами в 2—3 человека. В этот момент Назир захва-

чен в плен и попадает в лагерь военнопленных. А за это время немецко-фашистские войска перешли в наступление, и мы видим Карачай накануне оккупации. Бэла работает в госпитале и узнает от товарищей Назира по части о его гибели. Семья Тохтара не отказывается от мысли разлучить Бэлу с Назиром, пытается обманным путём заманить ее к себе в дом. Попытки эти не увенчиваются успехом.

Вторая книга начинается с изображения Карачая в период оккупации. По-разному ведут себя люди в этих сложных обстоятельствах. Лучшие из них не складывают оружия, уходят в партизаны и ведут активную борьбу с фашистами, как брат Бэлы Юнус, или сама Бэла, как Локман, который в Кисловодске выполняет роль связного партизанского отряда, как Вася Рябунов, поступивший работать в полицию по заданию командира партизанского отряда Радионова.

Другие, как Тохтар, его сын Ахмат и дочь Канитат, становятся прислужниками захватчиков, предателями и убийцами. Фашистское командование стремится расправиться с партизанами после того, как отряд Радионова (и Юнуса) совершает несколько нападений на гитлеровцев. Подготавливая карательные меры, они хватают мать Юнуса—Нюрхан и его сестру Марджан, надеясь выпытать у них, где находится Юнус и партизанский отряд, в котором он сражается. Несмотря на все старания оккупантов, на побои и издевательства, Марджан отказывается сообщить нужные им сведения. Предупреждённые Васей Рябуновым о готовящемся расстреле заложников, партизаны, переодетые в немецкую форму, отбивают машину с заключёнными, освобождают их и вместе с ними Марджан, увозят её в партизанский лагерь.

Ночью, после этих событий, дочь Тохтара Канитат

замечает во дворе у Локмана человека в немецкой форме и, узнав в нём Юнуса, заставляет отца донести на него в гестапо. Взбешенные гестаповцы и немецкая комендатура начинают карательную экспедицию. Им удалось выследить Юнуса с товарищами, выбиравшихся из Кисловодска после операции по освобождению заключённых, и раненым захватить его. Юнус и Локман гибнут от руки фашистов. Но предупреждённый отряд успеваеет перебазироваься.

В это же самое время мы видим Назира Батырова с товарищами, когда их привозят в лагерь для военнопленных, расположенный невдалеке от города Ровно. Назир ранен, ослаб, полураздет. Один из пленных, его земляк, балкарец Ахмат обмораживает ноги и гибнет от гангрены. Автор изображает страшную жизнь концентрационного лагеря, его кошмарный быт, голод, издевательства, побои — условия, в которых, казалось бы, жизнь невозможна. Но советские люди и здесь сохраняют человеческое достоинство, веру в победу. Их не покидает мысль об освобождении, о побеге. Назир вместе со своими товарищами — Тарабукиным, Сапуновым и другими решает записаться в ту группу пленных, которую администрация лагеря посылает на восстановительные работы в Донбасс. Они надеются, что там легче будет осуществить свой замысел побега.

И, действительно, немного окрепнув, освоившись на шахтах, они устанавливают связи с подпольщиками Донбасса. Те помогают им бежать через заброшенный штрек, укрывают их и привлекают к своей подрывной деятельности. Далее автор романа повествует о том, что разгром фашистских армий под Сталинградом вынуждает немецкое командование дать приказ об отводе частей, расположенных на Северном Кавказе, Ставрополье, Кубани.

Комендант Кисловодска даёт последние распоряжения офицерам: „Армия Паулюса окружена. Противник движется по направлению к Ростову. Если положение под Сталинградом не изменится и армия противника, продолжая наступление, возьмет Ростов, нашим войскам, находящимся на Кавказе, путь к отступлению будет отрезан. Поэтому, господа офицеры, пришёл приказ немедленно выступить к Ростову, не допустить окружения, как надеется на то советское командование. Через шесть часов мы должны оставить город. За это время необходимо подготовить к выступлению солдат, технику, обоз. Мы должны изъять всё, что представляет ценность для армии, для государства, и погрузить на транспорты, в вагоны, заминировать крупные здания, промышленные предприятия, нарзанную галерею, железнодорожную станцию, линии электропередач, мосты.

Арестованных расстрелять немедленно в местах заключения. Из местных жителей брать с собой в отступление в первую очередь тех, кто служил нам преданно и впредь может оказаться нам полезным...“¹.

Сын Тохтара Ахмат, служивший при оккупантах полицаем, собирается в дорогу. Кляня свою жизнь, вместе с ним собирается и Тохтар. Однако фашистам не до него. И когда он начинает скандалить, пытаясь влезть в отправляющуюся машину, убивают его, а вслед за ним и Ахмата, вступившегося за отца. Мы видим освобождённый Советскими войсками Кисловодск. Сама природа, кажется, ликует вместе с людьми, для которых минула ночь оккупации. Восстанавливается Советская власть, возвращаются в город партизаны. Народ

¹ Къобанланы Д. Эки заман. Роман, Экинчи китаб, Черкесск, 1966, стр. 230—231.

чувствует своих освободителей, отдает почести павшим. Вместе с другими возвращается в город Нюрхан с Бэлой. Она ещё не знает о гибели Юнуса. Она ждёт его прихода в родной дом. Нет предела её горю, когда она узнает о гибели сына. Люди возвращаются к прежней жизни и к труду. Бэла вместе с Марджан намерена идти работать в госпиталь.

Не извлекла никакого урока из гибели отца и брата Канитат. Её сердце переполнено злобой. Она использует каждую возможность, чтобы насолить Бэле и Назиру. Встретив на улице товарища Назира (Алиханова), она выдает себя за двоюродную сестру Бэлы, а затем, узнав от Алиханова, что Назир попал в плен, пишет заявление на него в НКВД и письмо Бэле, где сообщает, что он стал изменником Родины. А на самом деле и Назир, и его товарищи-подпольщики после прорыва Советской Армией немецкой обороны на реке Миус идут навстречу Советской Армии, наступающей на Донбасс, и после проверки вливаются в её ряды. Вновь начинаются для них военные будни. Вновь они держат в руках оружие, могут померяться силами с врагом в бою, к чему так стремились, находясь в плену. В один из моментов затишья Назир получает трехдневный отпуск и едет в Кисловодск. Но дом его невесты пуст, и никто ему не может сказать, где находятся Бэла и её семья.

До сих пор роман Кубанова, хотя и не претендовал на документальность, но в общих чертах изображал верно события, происходившие на фронте и в Карачае. Вторая книга описывает события 1942—43 годов и заканчивается примерно ноябрём 1943 года.

Третья книга романа рассказывает о событиях, происходивших на Южном фронте, где Назир участвует в боях у Перекопа и под Севастополем, а затем в Бело-

руссии. Вместе с тем мы видим семью Бэлы и Назира, их жизнь после освобождения Карачая. В жизни супругов возникает ряд тягостных недоразумений из-за продолжающихся интриг Канитат. Бэле она сообщает ложные сведения о предательстве Назира, чем повергает молодую женщину в безысходное отчаяние и доводит её до решения разойтись с Назиром. Также анонимно она сообщает Назиру о том, что его жена, якобы, „путалась“ с немцами, при отступлении уехала с одним из офицеров, а затем, брошенная им под Ростовом, с позором вернулась домой. После многочисленных страданий и длительного отчуждения супруги узнают правду и вновь обретают друг друга. Канитат же постигает возмездие: её больная мать, находясь при смерти, не может дальше скрывать в своём сердце ту ложь, подлость и преступления, что совершали её муж и дети. Она рассказывает обо всем, словно исповедуется, отказывается от пенсии, которую ей платило государство за убитых немцами мужа и сына, поскольку в отделе социального обеспечения не знали, каковы подлинные лица Тохтара и Ахмата. Канитат вынуждена скрыться. В эпилоге романа мы видим счастливую семью Батыровых, которая встречает в аэропорту Минеральных Вод приехавших к ним гостей—боевых командиров и товарищей Назира.

Мы видим, что основной сюжетной линией романа являются взаимоотношения Назира и Бэлы. Отсюда композиционная двупланность произведения: главы, изображающие судьбу Назира, его службу в армии, участие в боях на фронтах Отечественной войны, его пребывание в плену чередуются с главами, изображающими судьбу Бэлы, её семьи и семьи Назира в тылу, в Карачае. Благодаря такой композиции автор дает картину жизни периода Великой Отечественной войны.

Каков же смысл заглавия романа? Два времени— это время мира и время войны, судя по изображаемым в романе событиям, где главный определяющий конфликт—военное столкновение фашистской Германии и Советского Союза, а по-существу—это столкновение мира прошлого, обречённого, уходящего и мира нового, которому принадлежит будущее. Причем это столкновение не только военное, конфликт не только двух политических систем, но и столкновение двух противоположных мировоззрений, противоположных нравственных позиций.

Вся система образов чётко делится на две группы. С одной стороны мы видим людей, борющихся за возможность мирно трудиться, за счастье каждого труженика, за все новое и светлое. К ним относятся главный герой романа Назир Батыров, его семья, его боевые друзья и товарищи, его невеста Бэла и её близкие. Им противостоит другая группа образов, олицетворяющих собой прошлое, стремление повернуть колесо истории вспять, олицетворяющих все злое и низменное в человеческой душе. Здесь мы видим образы гитлеровских вояк, полицейскую администрацию в концлагерях, провокаторов и предателей Родины, вроде Тохтара, его дочери Канитат. Наряду с образами той и другой группы в романе есть персонажи, в чьём сознании, в чьей душе идёт борьба между добром и злом, между старым и новым. И если образы первой группы в романе Кубанова предстают перед нами в большинстве случаев в идеализированном виде, а образы носителей прошлого часто рисуются лишь одними темными красками и предстают как мелодраматические злодеи, то те персонажи, жизненные позиции которых приобретают определенность и раскрываются по мере развития событий, как правило, наиболее уда-

ются автору, представляют наибольший интерес. Живо, неповторимой судьбой наделены такие второстепенные персонажи, как жена Тохтара Нанык, старик на ферме, где останавливается передохнуть Юнус с товарищами, пробирающимися в партизанский отряд. Своеобразно раскрывается судьба сына Тохтара—Ахмата. В конечном счёте персонажи этой последней группы так или иначе определяют свои жизненные позиции, внешние или внутренние, и примыкают к одной из основных групп системы образов.

Интересный материал для наблюдения дают образы романа, принципы изображения различных групп персонажей, средства характеристики. Принципы эти и средства различны для каждой из вышеназванных групп.

Если мы возьмём главных героев романа—Назира Батырова и Бэлу,—то в их характеристике раскрывается перед нами содержание эстетических воззрений автора, ибо в них воплощено его понимание прекрасного. Прекрасное в человеке, по понятиям Кубанова,—это его нравственная безупречность, к тому же неразрывно связанная с внешней, физической красотой и совершенством человека.

Можно вспомнить в этой связи полемическую поэму Азрета Уртенова „Письмо Сулемена к Сурат“¹, где поэт, утверждая новую эстетику, эстетику социалистического реализма и основы социалистической морали, отвергал традиционное представление об идеальной женщине и её образе в искусстве. Не внешняя красота, а новая мораль, главным образом, её передовые убеждения, её любовь к труду, её вклад в общественную жизнь—вот что входит в понятие идеальной современной женщины, по его убеждениям.

¹ См. Ёртенланы А. Джырла бла поэмала, Нарсана, 1934.

Дахиру Кубанову нет необходимости големизировать, поскольку нравственный облик женщины в современном обществе уже утвердился, и для главных героев романа нравственный кодекс человека нового, социалистического общества вполне органичен, является нормой.

Другое дело, что эти нравственные качества более декларируются автором, нежели проявляются в действиях героев. Об этом речь пойдет ниже. Здесь важнее подчеркнуть, что другая сторона—внешняя, физическая красота героев непременно является выражением их духовной красоты. Традиционными, очень близкими фольклору выразительными средствами рисует автор их портреты. У Назира Батырова, главного героя романа, „гладкий белый лоб“, „густые волнистые волосы“, „смелый взгляд“. Он быстр и ловок, как орел. Из траншеи, например, он „не выходит, а словно вылетает“¹.

„От волос на голове и до кончиков ног без единого изъяна, красивая, как картина, девушка“, — пишет автор о Бэле. И далее: ... „длинные, чёрные красивые брови“, „белоснежный лоб“, „широко раскрытые, тёмные, как чёрный бархат, глаза“, „длинные ресницы“, „белая мягкая ручка“, „толстая длинная коса“².

Эта слишком обобщённая портретная характеристика далека от современных возможностей раскрытия индивидуальности и духовной жизни персонажей.

В соответствии с таким типом портретной характеристики находятся и другие выразительные средства изображения героев. Необычайно возвышенны, благо-

¹ Къобанланы Д. Эки заман, Черкесск, 1965, кит. I, стр. 14.

² Къобанланы Д. Эки заман, Черкесск, 1965, кит. I, стр. 59—60.

родны, изысканны, красивы их речи, их манера вести себя, взаимоотношения. Печать красоты лежит на всем, что окружает их. Автор откровенно восхищается порядками в доме той и другой семьи, их образом жизни, подчеркивает во всем изобилие, блеск, красоту. Порой автору явно изменяет чувство меры и хороший вкус, и эти примеры „высшего“ уровня благосостояния и хорошего тона становятся навязчивыми, не поднимают героев, а, наоборот, принижают их, воспринимаются как культ вещей, как выражение потребительского отношения к жизни. Это впечатление усугубляется еще и тем, что в изображении не только своих положительных героев, но и сложной, трудной обстановки военных лет Дахир Кубанов редко дает полную, реалистическую картину фронтовых условий, например, нелегкого периода оккупации—всех тех типических обстоятельств, в которых только и могут раскрыться типические характеры. Он говорит о трудностях, о гибели, о крови, о смерти, о страданиях и лишениях. Так, например, мы видим приезд Бэлы к тяжело раненому другу мужа. Автор показывает нам несколько характерных деталей: „виллисы“, подъезжающие к крыльцу госпиталя, белые занавески в бесчисленных окнах огромного здания, белые халаты персонала. Но нам не показаны те страдания, надежды и муки, которые скрываются за этими белыми занавесками. Мы не видим тяжело раненого Тарабукина, тех бессонных ночей, которые Бэла проводит у его постели в тревоге за его жизнь, в муках часто тщетного сострадания—словом, нет реалистической картины жизни госпиталя, неповторимых черт его быта, людских характеров и судеб.

Автор упоминает о том, что сама Бэла, её сестра Марджан находились во время оккупации в партизан-

ском отряде, которым командовал их брат Юнус. Но опять-таки картины жизни партизанского лагеря на страницах романа мы не найдем.

Единственные впечатляющие своим драматизмом эпизоды мы встретили на страницах, посвящённых первым дням войны, жизни Назира в плену, в концлагерях и в Донбассе.

Таким образом, типические обстоятельства периода Отечественной войны, как правило, не воссоздаются реалистически в романе и не являются фактором формирования, средством раскрытия типических характеров, отправными точками их эволюции. Характеры эти статичны. На всем протяжении повествования они пребывают в одном и том же качественном состоянии. Каковы же эти качества и какими средствами автор их выражает?

Основными средствами раскрытия этих характеров являются история личных взаимоотношений героев, перипетии их любви, авторские оценки и комментарии. взаимохарактеристики персонажей.

Рассмотрим каждый из этих моментов в отдельности.

Назир и Бэла—главные герои романа, две основные сюжетные линии и подавляющее большинство эпизодов в романе повествуют о них. Но, хотя перед нами проходят большие исторические события,—действие перекидывается из Москвы в пограничный город Перемышль, ведет нас по дорогам отступления, по фронтам Великой Отечественной войны, в оккупированный Карачай, в только что освобождённый от оккупантов Севастополь,—суть большинства этих эпизодов и событий (за исключением пребывания Назира в плену) является фоном, то контрастирующим, то гармонирующим, поводом для конструирования любовных коллизий

между героями. Всё обилие материала, полученного автором в результате горького военного опыта, отступает на второй план, а на первый план выдвигается запутанная история взаимоотношений двух любящих молодых людей, чьё счастье и чьё соединение затрудняются целым рядом искусственных препятствий, преград, интриг, хотя в этом нет никакой необходимости, поскольку они естественно возникали в обстановке военной действительности.

Основное содержание большинства эпизодов романа составляют бесконечные раздумья героев, их рассуждения и сетования, их сердечные излияния перед друзьями и близкими по поводу очередных недоразумений, затянувшихся размолвок между влюблёнными.

Такой способ сюжетно-композиционного построения романа и является его основным недостатком.

Сложность и драматизм исторических событий периода войны, подлинных человеческих судеб заслоняется искусственной и сильно растянутой любовной интригой. Узловые моменты этой интриги с первой до последней страницы трёх книг обусловлены неустанными происками злодейки Канитат.

В силу своей искусственности, надуманности эта интрига никак не влияет, не воздействует на характеры героев, ничего не даёт в смысле их эволюции, углубления их психологических характеристик. Таким образом, фабула романа призвана в первую очередь доказать стойкость их взаимного чувства, устоявшего перед коварными происками завистницы и злодейки Канитат, которые выглядят в романе во много раз страшнее и опаснее, чем все бедствия, принесенные фашистским нашествием.

Ложные слухи и сплетни, притворство, анонимные письма и доносы, шантаж— всё, вплоть до подстрека-

тельства к убийству,—составляет далеко не полный арсенал средств, к которым прибегает Канитат.

Эти приёмы развития сюжета очень напоминают набор конструктивных схем романтизма авантюрно-приключенческого жанра. Чем коварнее, искуснее происки врагов, тем возвышеннее и благороднее должны быть герои, устоявшие перед ними, прошедшие через эти испытания. И автор не скупится на похвалы им. Он рассказывает о прекрасных душевных качествах Назира и Бэлы, он превозносит их устами их близких и друзей, всегда выступающих в роли восхищённых поклонников, почитателей и наперсников.

Вот как описывает автор успехи Батырова на выпускном экзамене в военном училище. „Полковник Козловский был уверен во всех курсантах, но он беспокоился, как бы перед такой представительной комиссией они не растерялись. На лице у него было напряжение. И когда мгновенно, как только прозвучала фамилия „Батыров!“, перед ним возник Батыров со смелым взглядом, чёрными, длинными, словно нарисованными, бровями, лицо старого полковника распустилось, сердце успокоилось и стало биться ровно“. И далее: „Маршалу, очевидно, пришлось по душе и смелый взгляд, и стремительность вызванного курсанта, потому что лицо его просветлело...“¹.

Перед строем курсантов маршал особо отмечает и выносит ему благодарность за меткую стрельбу и отличное выполнение задания. Более того, маршал артиллерии приказывает тут же полковнику Бажанову: „Его никуда не направляйте. Он человек, нужный нам, главному управлению артиллерии...“².

¹ Къобанланы Д. Эки заман, Черкесск, 1965, кит. I, стр. 14.

² Къобанланы Д. Эки заман, Черкесск, 1965, кит. I, стр. 17—18.

А вот уже Назир несёт службу в полку, и автор рассказывает о новогоднем банкете: „Командир полка, поздравив присутствующих на новогоднем банкете офицеров, отмечает лучших: „Особенную благодарность приношу недавно прибывшим к нам после окончания училища лейтенантам Батырову и Хухрикову. Они с первого дня своей службы без усталости работают со своими подразделениями и вывели их на первое место по военно-политической подготовке. Надеюсь, они не ограничатся этим, а помогут и своим товарищам, подтянут их, сделают так, чтобы и они добились таких же результатов“¹.

Другой момент. Тарабукин и Хухриков, встревоженные внезапным исчезновением Батырова после получения им телеграммы из родных мест, спешат к нему домой. „Они знали, что Назир—умный человек, и в то же время безмерно горячий. Поэтому тихо, на носочках обошли вокруг дома и, стараясь не выдать своего присутствия, заглянули в окна“, — пишет автор.

Пытавшийся кончить самоубийством, Назир, спасённый друзьями и врачом, лежит обессиленный. А „оба друга Назира, забыв про Новый год, сидят у постели и не сводят глаз с его безжизненного лица. Они поочередно вытирают капельки пота, выступающие, как росинки тумана на стекле, на его гладком белом лбу. Его густые вьющиеся волосы рассыпались на белой подушке. Длинные ресницы крепко сомкнулись как бы в ответ на судорожные движения чёрных длинных бровей“². И после такого описания Тарабукин восклицает: „...Он красив, как картина. Если бы я обладал такой внешностью, никого бы не удостоивал даже взглядом своим“ (?!).

¹ К ъ о б а н л а н ы Д. Эки заман, Черкесск, 1965, кит. I, стр. 80

Эти высокие качества героев, декларируемые автором и остальными персонажами романа, имеют описательный характер. Их подкрепляют возвышенные тирады и рассуждения самого героя, его поучающие монологи.

Очень редки в романе эпизоды, где герои характеризуются своими поступками, действиями в конкретных ситуациях. Оба они предстают как натуры скорее созерцательные, склонные к рассуждениям, нежели к активным действиям.

По существу в романе они предстают как автоматические носители добра, нежели как активные борцы за него. Поэтому их благожелатели и наперсники без конца их превозносят, опекают, жалеют, им сострадают, помогают. Выражающееся во всём этом откровенное авторское благоговение перед своими героями, сентиментально-слащавое отношение к ним порождает в романе эпизоды, противоречащие жизненной правде, анекдотические. Таков, например, эпизод с попыткой Назира покончить с собой.

Автор стремится сделать своих героев как можно более значительными. И с этой целью он преувеличивает силу их чувств и переживаний, возводя их до уровня „мировых страстей“, „мировой скорби“, преувеличивает сложность ситуаций, трудности обстоятельств, в которых они действуют.

Так складывается стиль повествования о главных положительных героях романа, представляющий собой сочетание несколько ложной патетики, сентиментальности и мелодраматизма.

В изображении Назира и Бэлы ясно ощутимы и традиции любовной лирики фольклора, и восточного любовного романа в стихах. Ряд моментов в развитии сюжета, в принципах характеристики героев, в веренице

образов наперсников, в авторской позиции по отношению к ним ясно прослеживаются черты романтического стиля. Можно сказать, что элементы эстетики романтизма здесь явно налицо.

Романтическая трактовка действительности в художественном произведении вполне правомочна в принципе, и мы знаем в советской литературе о Великой Отечественной войне такие произведения, как „Молодая гвардия“ А. Фадеева, „Звезда“ Э. Казакевича, „Альпийская баллада“ В. Быкова и др., являющиеся высокими образцами романтического стиля наших дней.

К сожалению, творческие возможности Д. Кубанова не позволили ему осуществить в полной мере свой интересный замысел.

По существу, богатый жизненный материал военных лет был им использован очень поверхностно и существует в произведении с романтической любовной историей без органической связи.

В силу каких причин роман Дахира Кубанова не достигает подобного совершенства? Нельзя это объяснить просто недостатком таланта или сложностью стоявшей перед художником задачи. Видимо, эстетическое мышление автора в значительной степени отражает сложные процессы, происходящие на данном этапе развития национального самосознания, формирования эстетических воззрений, художественной практики народа. Ведь не случайно некоторые своеобразные моменты в творчестве Дахира Кубанова перекликаются с аналогичными явлениями, чертами в творчестве других карачаевских поэтов и писателей. В первую очередь это относится к образам героев, воплощающих нравственно-эстетический идеал.

К числу трудностей, стоявших перед автором, можно отнести то, что он впервые в эпическом произ-

ведении попытался охватить ряд сложных явлений периода войны. В частности, он впервые в карачаевской литературе изобразил человека, прошедшего через фашистский плен, концлагери и принудительные работы. Впервые так детализированно, подробно, на современном материале изображается в карачаевской прозе и любовная коллизия, история сложных личных взаимоотношений.

Сюжетно-композиционная организация такого большого жизненного материала—задача не из лёгких для молодого писателя. И неудивительно, что в романе ощутимы художественные просчёты и недостатки.

К группе персонажей, представляющих собой носителей новой морали, поборников справедливости, добра и правды, противников всего тёмного и злого, антигуманного, что несут с собой фашистские захватчики и их прихвостни, предатели Родины, относится немало персонажей проходных, эпизодических, в большинстве случаев примыкающих к числу родных и друзей Назира, „наперсников“ его.

Одни из них упоминаются в качестве участников боёв, товарищей по учёбе, военной службе Назира, членов семьи, знакомых главных героев, военнопленных и т. д.

Эти персонажи, как правило, не индивидуализированы, играют служебную роль, создают окружение героя—массу честных советских людей, защищающих свое Отечество, отстаивающих свою жизнь и человеческое достоинство.

Такие образы, как Тарабукин, Хухриков, Коваль и многие другие, которые проходят через весь роман и чьи характеры отмечены несколькими своеобразными чертами, все-таки не имеют своей человеческой судьбы, своей биографии. Они составляют как бы „систему зер-

кал“, призванную отразить высокие качества Назира Батырова, Бэлы, воздать хвалу им. Они безлики, существуют в романе постольку, поскольку являются друзьями и товарищами Назира.

Но среди образов родных и близких Назира и Бэлы, также называемых, но не изображаемых автором, мы встретим персонаж, наделённый индивидуальностью. Это мать Бэлы—Нюрхан.

Нюрхан у Кубанова—это прежде всего женщина-мать, глава семьи, хранительница семейного очага. Автор немногословен в характеристике внешности Нюрхан. Мы видим белолицую, обаятельную старую женщину с мягкой и естественной манерой вести себя, неторопливой проникновенной речью, неизменно приветливую и искреннюю в обращении с людьми. Атмосфера взаимопонимания, взаимного уважения и любви ощущается в её доме. Рано овдовев, она стремится заменить своим детям недостающего отца, человека, чью память она свято чтит, чьи обычаи, привычки не забывает.

Ясность души, мудрость, отсутствие суетности делают её первым другом и советчиком дочерей, невольно внушают уважение и почтение всем, кто с ней сталкивается.

Нюрхан уважает и соблюдает традиционные обычаи своего народа, но не слепо следует им, а обновляет их смысл, соотнося заложенный в них опыт предшествующих поколений с требованиями времени, со складывающимися обстоятельствами.

Она может поступиться формальной стороной традиций во имя счастья людей и человечности. Так, например, она пренебрегает обычаем прихода жениха в дом невесты не ранее, чем через месяц после свадьбы, потому что началась война, зять её уезжает на фронт,

и Нюрхан стремится отдать ему в этот момент душевное тепло и материнскую ласку, которые, может быть, помогут ему в трудную минуту.

Исполнена внутреннего драматизма глава третьей книги романа, где изображается возвращение Нюрхан в город, освобождённый от оккупантов. С каким трепетом ждёт она возвращения сына из партизанского отряда, представляет, как он откроет дверь и войдет в дом, к ней. В доме затеплился огонёк, закипела в чугунке вода для мамалыги. Но сына все нет, и Нюрхан неторопливо идёт в центр города, туда, где собрался народ, происходит митинг. Боевые товарищи Юнуса в затруднении, они не знают, как сказать матери о гибели сына. Узнав здесь, что Юнус погиб, Нюрхан с необыкновенным человеческим достоинством сдерживает горе, готовое вырваться наружу, не пролив ни одной слезы, как будто окаменев, уходит она. Эта старая женщина, способная на большие, сильные чувства, бескомпромиссна по отношению к злу. Но она умеет управлять собой. Так, в конце романа Нюрхан вместе с дочерью Марджан идёт навестить тяжело заболевшую, покинутую дочерью, Наньк, отдавая себе отчёт в том, как несчастна, одинока, беспомощна, жестоко наказанная самой жизнью, женщина. Однако, когда Наньк в порыве благодарности откровенно раскрывает ту роль, которую сыграли Тохтар и Канитат в гибели Юнуса, Нюрхан, внутренне содрогнувшись, встаёт и молча, не произнося ни слова, уходит. И только, тут, во дворе, выражает всю степень охватившего её омерзения: принесенные ею для больной гостинцы она отдаёт собаке.

Образ Нюрхан автор изображает реалистическими средствами, придавая ей индивидуальную манеру говорить, вести себя, раскрывая характер этой женщины через её поступки, её отношение к людям. В результате

создается образ, подкупающий своей правдивостью, жизненной достоверностью, национальным своеобразием.

Образ Нюрхан в романе является одним из носителей идей человечности, но не абстрактного, всепрощающего, а требовательного, глубоко народного по своему характеру гуманизма.

В числе положительных героев романа это самый удавшийся автору образ. Нюрхан принадлежит к тем героям романа, которые при всей своей связи с судьбой главного героя романа живут по законам своей внутренней жизни. Некоторую романтическую приподнятость придаёт этому образу и то, что Нюрхан предстаёт перед читателями в наиболее значительных моментах развития сюжета—когда в доме празднуют свадьбу Назира и Бэлы, в самый острый момент репрессий оккупантов против партизан и населения, в торжественный день освобождения города от врагов и перед развязкой романа, когда раскрывается вся цепь преступлений, совершённых семьей предателя Тохтара. Появление Нюрхан в этих эпизодах обогащает их содержание, придаёт им новые краски, новые интонации, более глубокий смысл, делает их глубоко человечными и достоверными.

Таким образом, образ Нюрхан играет особую роль. В нём с наибольшей полнотой воплощено народное представление о добре и зле, о долге и чести, о человеческом достоинстве, совести и справедливости. И рядом с ней становится очевидной ценность других героев романа.

Образ Нюрхан — большая удача автора и по той роли, которая ей отводится в композиции романа, и по лаконичности, естественности средств её изображения, и по её значению в раскрытии идейного содержания произведения.

Силы, олицетворяющие зло, черты хищнической индивидуалистической морали воплощены в другой группе образов, к которой относятся образы фашистских оккупантов и предателей народа, их прислужников, представленные прежде всего семьёй Тохтара, изображённой как прямая противоположность семьям Бэлы и Назира.

Ничто не изменилось в сознании Тохтара за годы Советской власти. Злой и завистливый человек, он живёт по принципу „мой дом—моя крепость“. Натура сильная и своенравная, он деспотичен по отношению к жене, сыну, груб и резок с ними. В его доме каждый живёт своей жизнью, сам по себе. Формальное следование семейным традициям создаёт видимость прочности и единства.

Жена Тохтара, Нанык,— существо подневольное, подавленное, порабощённое. Сын Ахмат не имеет ни собственного лица, ни воли. Дочь Канитат унаследовала все худшие черты отца.

Сущность образа Тохтара—глубочайший, завершённый индивидуализм. Он способен думать только о том, что нужно ему: „Он из тех, кто привык грести только себе, без пользы народу, государству“,— характеризует его Назир.

Мельком автор упоминает о том, что зять Тохтара был арестован в 1937 году и, по-видимому, это послужило еще одним толчком к его озлоблению против Советской власти. Неясно, чем Тохтар занимается, в чем источник его существования, хотя по некоторым авторским замечаниям понятно, что Канитат—спекулянтка. Живёт семья Тохтара безбедно, но тем не менее он считает, что Советская власть его обделила. По его образному выражению „У кого есть лошадь, тот ездит верхом, у кого арба— тот на арбе, а вот

такие, как я, шаркают по жизни, волоча за собой собственные пятки“. В стремлении получше устроиться в жизни, отхватить кусок пожирней, он не останавливается ни перед какими средствами, самыми низменными способами добивается он женитьбы Ахмата на Бэле. Оно, это стремление, внушает ему жгучую зависть и ненависть к людям. Даже внешность этого человека вызывает неприязнь, так как противоречит представлению горцев об облике главы семейства, отца взрослых детей. Он фатоват не по возрасту: у него „закрученные чёрные усы“, на нём „отлично сшитая праздничная кавказская одежда, на поясе серебряный кинжал, на груди—белые газыри“,—он в будни выряжен, как в праздник. Опять-таки и в портретной характеристике, и в изображении характера Тохтара мы ощущаем народные этические и эстетические критерии, на позициях которых стоит автор. Но здесь они выражены не столь прямолинейно, как в образах положительных героев. Здесь понятие уродливого в жизни находит более сложное эстетическое выражение. Всё злое и тёмное, что гнездится в душе Тохтара, прикрыто внешним достоинством и только какие-то детали выдают его показной характер.

Всей логикой своего характера этот человек и его дети подготовлены к тому, чтобы сыграть гнусную роль в условиях войны и оккупации. Самая большая забота Тохтара с начала войны—помочь сыну увильнуть от мобилизации в армию. А тот живёт, бездумно подчиняясь всему, что скажет отец. После оккупации Тохтар становится одним из фашистских прихвостней. „Вот он, да таких, как он, человек девять-десять и вертится около этих мерзавцев. Погубят, предадут они джамагат¹. Говорят, и сына пристроил в полицию... Эти

¹ Народ.

сволочи пытаются схватить Юнуса и надеются заставить мать, сестру и жену сказать, где он находится.

И все он, этот усатый баран, что прошёл мимо нас с тобой“, — говорит о Тохтаре старик Джаммолат. Предательство Тохтара и его дочери, по вине которой гибнут партизаны и их друзья в городе (Юнус, Локман, Вася Рябунов и др.), остаётся в силу обстоятельств никому не известным. Тохтар, его сын и дочь верят в то, что фашисты победят и что поэтому всё дозволено и всё останется безнаказанным.

Складывается ситуация так, что ни справедливое возмездие, ни муки совести не угрожают, казалось бы, предателю.

К заслуге писателя следует отнести очень интересное, своеобразное и естественное разрешение сюжетной линии, связанной с Тохтаром в романе. Автор приводит приказ немецкого командования, данный в тот момент, когда произошло окружение фашистских армий под Сталинградом и началось поспешное отступление. бегство фашистов из Ставрополя и Кубани.

Один из пунктов этого приказа гласил о необходимости вывоза тех, кто сотрудничал с немцами в период оккупации.

Сцена, изображающая Тохтара и его сына в момент отступления фашистов из Кисловодска, является одной из лучших в романе, и мы позволим себе привести её здесь целиком, чтобы показать, как правдиво, выразительно и психологически точно сумел писатель показать неизбежность, неотвратимость исторического возмездия за преступления против совести и человечности.

„Тохтар перебежал от машины к машине, кричал и звал сына. В этот момент, когда, как говорится, собака не узнавала своего хозяина, он настигал и хватал за рукав каждого встречного немца, спрашивал о сыне.

Они же, вместо ответа, осыпали его бранью, окриками, отталкивали его прочь. И когда Тохтар, обессиленный, уже не знал, куда ему податься, что предпринять, он столкнулся с одним из таких же, как он сам, предателей.

— Кандаур, это ты? А я сбился с ног, ищу своего сына. Где он?— спросил он.

— Он сидит в машине, чуть подалее отсюда, с другими ребятами. Идем, я тоже туда иду. Не надо было так утруждать себя: мы бы по пути остановились, попрощались со всеми вами.

— Так я пришёл, чтобы ехать вместе с вами...

— Не знаю, говоря по совести. Едва ли они возьмут кого-нибудь, кроме тех, что есть в списке...

— А разве меня нет в списке? Выходит, топору, что дом рубил, оставаться на улице. Посмотрим, как это получилось, что дело делал я, а в списки попали другие!— трогая кончик левого уса, он быстро направился к машине, указанной Кандауром.

Встретив унтер-офицера, старшего над машиной, в которой должны были везти свору продажных, спросил:

— Господин офицер, где список?

— Вас, вас ист лёс?— скривился офицер на Тохтара. Помня о том, как они были вежливы и внимательны, когда он им бывал нужен, как они всегда обхаживали его, Тохтар решил дальше не разговаривать с немцем.

— Посмотрим, кто достойнее меня ехать в этой машине,— сказал он, и, приоткрыв край брезента, натянутого на кузов, собрался забраться в машину. В этот момент подоспел унтер, схватил за конец башлыка и спустил его на землю:

— Век, век!— заорал он и потянулся к поясу за парабеллумом.

— Что век, век? Что это за хапар? Я служил вам, служил? Ферштейн?—подался вперед Тохтар, стуча кулаком в грудь, с трясущимися барановидными усами.

В это самое время, услышав голос отца, выпрыгнул из машины его сын.

Тохтар тут же набросился на него:

— Что ты сидишь там, как осёл? Не мог что ли объяснить этой скотине, кто я такой!

— Отец, родной, душа моя! Никак тебе нельзя бросать двух женщин и ехать, неизвестно куда. Вернись домой,—попытался было уговорить отца Ахмат, но Тохтар оттолкнул его в сторону.

— Отойди, не стой передо мной!—крикнул он и ухватился за борт машины. Немец, для которого законом был он сам, разъяренный тем, что человеку этому нипочём ни его приказ, ни полиция, истощив терпение, подскочил к Тохтару и ударом ноги отбросил его от машины. Изрыгая брань на своём языке, он выхватил пистолет. Увидев эго, Ахмат бросился объясняться с ним, сказать, что этот человек—его отец. Но гестаповец злой, как осенняя муха, жалящая особенно больно в предчувствии своего конца, не стал слушать, что мелет ему полицай, выстрелил два раза в живот Тохтару.

И в этот миг, когда отец, со стоном обнимая воздух, упал к его ногам, Ахмат, носивший до этого дня форму полицай, он, один из „лучших“ в своре прихлебателей у фашистских оккупантов, понял разницу между добром и злом. Рассеялся чёрный туман, сжимавший, как обручем, его сознание. Как будто молния прорезала темноту вокруг. Огненные искры заплясали перед его глазами. Рёв моторов закладывал ему уши. Ахмат закричал дико, как зверь, снял с шеи автомат и, направив его в упор на немца, что убил отца, спустил

курок, но подоспевшие солдаты расправились с ним и уложили возле убитого им немца¹.

Эта сцена блестяще завершает эволюцию образа Тохтара. Торжество исторической справедливости в ней выражается не только внешне, в гибели старика, но и в показе его морального краха. Качественная эволюция его характера „применительно к подлости“ (по выражению Салтыкова-Щедрина) прорывает здесь оболочку внешнего благообразия. Мы видим его растерянность, его беспомощность, его суетливость, его грубость, его глупую самоуверенность, животный страх за свою жизнь, за свою шкуру. Он предстаёт перед нами жалким, потерявшим всю свою мнимую значительность.

Образ Тохтара, призванный в романе стать воплощением всего мрачного и злого в человеческой душе, резко контрастирует в этом отношении образам положительных героев, в особенности образу Нюрхан. Тем не менее это образ реалистический, полнокровный, логика его эволюции находится в тесной зависимости от развития исторических событий, изображённых в романе. Автор непринуждённо использует различные выразительные средства для лепки его характера: портрет, прямую речь, внутренний монолог, взаимоотношения с людьми и поступки, характеристику устами других персонажей. Все это способствует раскрытию его внутреннего мира и без авторских комментариев, разоблачает истинную сущность его—суетность и бесчеловечность. С этой точки зрения образ Тохтара также в немалой степени способствует раскрытию идейного содержания романа.

Если противоположные по сути образы Нюрхан и

¹ Къобанланы Д. Эки заман. Экинчи китаб, Черкесск, 1966, стр. 136.

Тохтара близки между собой по принципам изображения, то аналогичное соотношение мы можем проследить при сопоставлении образов Бэлы и Назира с образом Канитат.

Как мы помним, автор не жалеет выразительных средств, чтобы придать значительность положительным героям и подчеркнуть их совершенство. В равной степени он использует все возможности, чтобы превратить Канитат в их противоположность, в мелодраматическую злодейку.

Основные приёмы её изображения—это обличающая авторская речь и поступки Канитат. Канитат активная носительница зла, и её поступки, её поведение играют главную роль в развитии фабулы. Она пишет анонимные письма, доносы, перехватывает чужую переписку, распространяет ложные слухи и сплетни. Она меняет свою личину, выдавая себя то за подругу Бэлы, то за её сестру, то за неизвестную доброжелательницу Кара-Ханум, сообщающую Назиру о мнимом грехопадении Бэлы.

Завистница и интриганка, она всё более озлобляется по мере своих неудач.

Большое значение в раскрытии образа Канитат приобретают внутренние монологи. Поскольку зло всегда стремится действовать во мраке, в тайне, ему не с кем делиться своими помыслами и намерениями, кроме как с немногими единомышленниками, каким был для Канитат отец, и с собой. Эти внутренние монологи Канитат свидетельствуют о статичности её образа. Количественные, а не качественные изменения происходят в душе героини. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить её разговоры с отцом в начале романа с её внутренними монологами в конце романа. Более того, даже характер её злонамеренных действий, их набор

довольно однообразен, что выражается в своеобразной цикличности развития фабулы. Вот Канитат в начале отправляет Назиру телеграмму с ложным сообщением о замужестве Бэлы, и на протяжении многих глав герои распутывают это недоразумение. После того, как оно разъясняется, происходит свадьба, начинается война, герои теряют друг друга из вида, но продолжают любить и быть верными друг другу, тогда Канитат завязывает новый узелок. Она распространяет слухи и пишет донос о том, что Назир, якобы, стал изменником Родины. Последующая часть романа опровергает эту клевету, реабилитирует Назира в глазах близких и его земляков. После этого Канитат возводит облыжное обвинение на Бэлу, приписывая ей сожительство с немецким офицером, опровержению чего посвящена последняя часть романа и усилия его героев.

Однако зло не может остаться безнаказанным. И после того, как оказываются бесполезными все интриги Канитат, оно оборачивается против неё самой. Целый ряд улик свидетельствует против неё, разоблачает её гнусные поступки. Но Канитат, зная, что о преступлениях её семьи достоверно никому не известно, уверена в своей безнаказанности. Более того, пользуясь тем, что её отец и брат действительно были убиты фашистами и стали, якобы, жертвами их произвола, она не прочь поживиться за счёт Советской власти и цинично заявляет: „Не обеднеет Советская власть“.

Возмездие приходит с совершенно неожиданной стороны. Ей грозят разоблачения собственной матери. И тогда Канитат решается на прямые преступления: она подстрекает своего двоюродного брата Мухтара убить девушку-почтальона, которой мать рассказала обо всём.

Итак, Канитат предстаёт перед нами как классический образ мелодраматической злодейки, изображаемой

автором при помощи всего традиционного набора средств романтического жанра. В этом смысле она представляет собой совершенно сознательно сконструированную антитезу образам положительных героев, прямолинейное воплощение эстетической категории низменного и уродливого.

Весь её внешний облик: портрет (уродливые, торчащие, как лопата, зубы, стриженные неприбранные волосы), манера одеваться (простой, вязаный белый берет, сидящий на голове, как тарелка), вести себя (запускает в растрепанные волосы пальцы и поправляет их, громко смеётся, обнажая некрасивые зубы) — противоречит, по мнению автора, народным национальным представлениям об этике, эстетике женского образа.

Наряду с этими двумя группами образов в романе присутствуют персонажи эпизодические, которые не сразу могут быть отнесены к тому или другому лагерю, персонажи, чья внешняя или внутренняя позиция мешает этому и чья истинная сущность раскрывается по мере развития событий.

В числе этих образов можно упомянуть образ старика на ферме. Он предстаёт перед читателем в одном из самых драматических эпизодов романа, когда трое партизан — Юнус, Локман, Фельков — пробираются в свой лагерь после очередной диверсии — захвата фашистских машин с заложниками и освобождения арестованных. Партизаны по пути останавливаются на ферме. Старик поначалу принимает их за гитлеровцев, поскольку они были в немецкой форме и обратились к нему на ломаном русском языке. Он согласно кивает в ответ, приговаривая „млеко, млеко“ и тут же прибавляет тысячу проклятий в их адрес на карачаевском языке, уверенный, что его не поймут: „Ууахтынг джетиб башлагъан эсе, садис, садис, бажалста, сыйчас млеко бе-

реме, аллах ууахты берликле къысха заманда. Сычас¹.

Старик вовсе не думал ввязываться в активную борьбу с оккупантами, не думал, что ему придётся на старости лет принять в ней участие. Но когда он увидел, что фашисты окружают ферму и зашедших сюда партизан, он, ни слова не говоря, выкапывает из тайника винтовку, отстреливается и погибает первым в бою.

Этот эпизодический образ, нарисованный в реалистической манере, всего раз возникает в романе, тем не менее впечатляет, запоминается в силу своей жизненной достоверности. Он характерен тем, что отражает какие-то глубинные процессы в сознании каждого советского человека периода войны, его патриотизм, его ненависть к захватчикам, чувство человеческого достоинства и хозяина родной земли, которые проявляются в активном действии, когда обстоятельства требуют этого. Потенциальная готовность дать отпор врагу своей советской родины и воплощена в этом ярком эпизодическом образе.

Более сложную внутреннюю эволюцию изображает писатель в образе Нанык, жены предателя Тохтара.

Ровесница Нурхан, эта женщина является полной её противоположностью: слепо подчиняясь семейным обычаям, карачаевскому домострою, она не имеет собственного лица, подавлена тиранией мужа, свыклась с положением рабыни, выполняющей свои обязанности по дому. Единственное, что составляет смысл её жизни,— это семья, дети, нерассуждающая, почти животная любовь к сыну Ахмату. И только когда она теряет мужа и сына, и смертельный недуг приковывает её

¹ Къобанланы Д. Эки заман, Черкесск, 1966, экинчи китаб стр. 109.

к постели, Нанык начинает с ужасом вести счёт всем преступлениям, подлостям, злу, которые совершили её близкие, невольной сообщницей которых стала и она сама. Когда над ней нависает тень смерти, Нанык с ужасом думает о том, с каким тяжким грузом на душе, с какими угрызениями совести, муками ей придётся уйти из жизни. Конечно, религиозность Нанык играет немалую роль в её страстном стремлении исповедаться, покаяться, очиститься от грехов.

И Нанык, беспомощная, прикованная к постели, делает всё, чтобы облегчить свою душу. Она пишет заявление, отказываясь от пенсии за мужа, и объясняет, почему она так поступает.

Она исповедуется перед пришедшими навестить её Нюрхан и Марджан--женщинами из той семьи, которой причинили её близкие больше всего зла.

В связи с образом Нанык следует остановиться на одной проблеме, которая, очевидно, волнует автора, над которой он размышляет,—это проблема столкновения человека с небытием, человеческого существования и смерти. Всё мрачное величие и неотвратимость этого акта в судьбе каждого человека требует от людей уважения к таинству смерти, очищения перед её лицом и отказа от суетности, подъёма на какую-то высшую ступень самопознания, осмысления всего пройденного пути, подведения его итогов.

В образе Нанык все эти мысли и чувства имеют религиозную основу. Однако за нею мы ощущаем этико-философские позиции самого автора. Мотивы очищения, духовного возрождения, нравственного прозрения перед лицом смерти звучат в произведении неоднократно.

С другой стороны, этот мотив в произведении Кубанова связан с утверждением святости всего живого,

особенно человеческой жизни, с беспощадным осуждением тех сил, что сеют смерть и гибель. Страшнее преступления нет, чем поднять руку на жизнь, на невинного человека. Тот, кто решается на этот шаг, лишает себя права называться человеком, это зверь. Он сам, как дикий зверь, ставит себя вне законов сострадания и человечности.

Эту философскую концепцию писателя могут подтвердить два примера. Один из них наивный и, пожалуй, сентиментальный, если рассматривать его вне концепции писателя. Это эпизод, когда между боевыми позициями советских и фашистских войск на нейтральной полосе появляется заяц.

Надо отметить, что аналогичный эпизод, только не с зайцем, а маралом, которого преследуют немцы на глазах у партизан, в результате чего происходит кровопролитная схватка, есть в повести Эбзеева „Мунир“.

Может быть, это не просто случайное совпадение, а общность взглядов писателей?

Другой эпизод изображает разговор Канитат с её двоюродным братом, кузнецом Мухтаром, которого она, шантажируя, подстрекает на убийство девушки-почтальонки.

Даже угроза кары не может заставить Мухтара преступить законы человечности—убить невинного.

Таким образом, столкновение любви и ненависти, добра и зла, сил, борющихся за жизнь, и сил, несущих смерть,—налицо в произведении Дахира Кубанова.

Общечеловеческие проблемы, разрабатываемые на фоне современной истории, составляют основное содержание романа Кубанова. Это тоже одно из свидетельств того, что перед нами произведение с ярко выраженными признаками романтизма.

Завершив анализ системы образов романа, мы по-

дошли вплотную к вопросу об авторской оценке человеческой личности, лежащей в основе этой системы, и к раскрытию идейной сущности романа. То, что лежит на поверхности,—это отношение к фашистам, к „новому порядку“, который они несут, к войне. Этим, казалось бы, должна определяться суть главного конфликта, от которого зависит расстановка сил в романе. Но Дахир Кубанов вскрывает нравственное содержание этого конфликта. Нравственные критерии являются основными в оценке каждого персонажа. Главным критерием оценки героев являются их гуманизм, их способность к борьбе за лучшее в человеке, за его высокое человеческое достоинство, за торжество добра и справедливости, этих непреходящих нравственных ценностей в народном сознании.

Для Кубанова фашизм—это олицетворение бесчеловечности, несущей смерть и гибель; его „цивилизация“—это возврат к варварству, это пробуждение сил зла, звериного в человеке, это уничтожение кодекса народной нравственности, который вырабатывался веками. И герои романа борются за те высшие и общечеловеческие ценности, которые создавались народом-тружеником в течение веков, были унаследованы и развиты им, получили своё развитие и упрочение в условиях социалистической действительности. Так, например, Назиру и его товарищу в плену невыносимо зрелище фашистских издевательств над евреями. Как попрание принципов человеческой взаимопомощи, самоотверженности воспринимается Назиром реплика фашиста в адрес заключённых, когда те делят поровну скудные пайки лагерной баланды: „...полицаи пригнали несчастных евреев и остановили у самых дверей шестого отделения. Самое большее, что они могли зачерпнуть на бегу, как им было приказано, так это по пол-

консервной банки „супа“, а что касается некоторых из них, так те пробежали мимо, с единственным желанием—не испытать ударов плетей, а поэтому вернулись с пустыми банками. Вот поэтому-то они как только собрались, разделили всё, что им удалось зачерпнуть, поровну на каждого.

— Коммунистическая сознательность, ха-ха-ха!— рассвирепел старший полицейский.— Вот тем двум голодранцам предстоит то же самое, что и вам... Забирайте их с собой.

Люди, у которых, казалось, в чём душа держалась, молча передали банки товарищам, подняли обоих распростёртых на земле советских бойцов, понесли и уложили в своём бараке¹.

И, конечно, в этом восприятии Назира отразились и идеи дружбы народов, и интернационализм, воспитанные в нём Советской властью.

Наряду с противопоставлением двух идеологий—советского человека и фашиста, тут есть противопоставление двух кодексов нравственности. В основе одного лежит чувство коллективизма и солидарности, в основе другого—звериный индивидуализм. Характерна сцена, когда Назир и его товарищи обрушиваются на одного из своих друзей за то, что тот поступился своим человеческим достоинством—взял сигареты, предложенные ему немецким переводчиком:

„Завтра придут работать вместе с нами шахтёры, живущие здесь, поблизости.

— Откуда это известно тебе?—живо спросил Назир.

— Переводчик сказал.

— Это когда же ты успел с ним переговорить?

— Сапунов, братцы, не такой парень, чтобы терять время даром.

¹ Къобанланы Д. Эки заман, 1966, II kitab, стр. 145—146.

— Не только успел поговорить, а вот что ещё я принёс,—и он достал из кармана пачку сигарет и бросил перед товарищами.

Кровь бросилась в лицо Тарабукину, и он, весь потемнев, резко сказал Сапунову:

— Если ты с нами, так будь с нами. Но, если иначе, то и поступай соответственно...

— То есть, товарищ лейтенант, может быть, выразитесь по яснее?—жёстко ответил Сапунов.

— Я не побоюсь выразить ясно то, что хотел сказать. Выбирай: либо с нами дружба у тебя, либо с немцами. Не думай, что человек, принимающий подарки от фашистов, очень радует нас.

Сапунов схватил злополучную пачку, измолот её в труху и швырнул на землю. Потом ещё и ногой растоптал, растёр так, что от табака не осталось ничего, что можно было бы подобрать и поднести ко рту...“.

„..Во-первых, ..надо хорошо изучить человека, прежде чем доверяться ему. Во-вторых, есть большая разница: брать и есть лагерный паёк, одинаково раздаваемый всем, либо получать второй, дополнительный, выдаваемый только тебе“¹,— заканчивает этот диалог Тарабукин.

Эта сцена свидетельствует о готовности положительных героев романа к борьбе за высокое человеческое достоинство, о готовности противостоять всем попыткам фашистов уничтожить его или унижить.

Стремясь растлить души советских людей, фашистские идеологи надеются подкупить их не только подачками, но и обращением к пережиткам, предрассудкам и, в том числе, к религиозным убеждениям. отлучить их от участия в политической, общественной жизни.

¹ К ъ о б а н л а н ы Д. Эки заман, Черкесск, 1966. Экинчи китаб, стр. 203—204.

О глубочайшем просчёте гитлеровцев свидетельствует сцена в гестапо, куда карачаевские старики приходят вместе с почтенной Нюрхан, чтобы просить об освобождении её дочери Марджан—сестры партизана Юнуса. Войдя к коменданту, старуха обнажает седую голову—снимает платок и бросает его к ногам коменданта. В ответ на его недоумение, старики излагают свою просьбу и объясняют смысл этого символического жеста. Это—призыв к его достоинству: ведь не подобает мужчине сражаться с женщиной, силе со слабостью, да и можно ли отказать женщине-матери, спасающей жизнь своего дитяти. В ответ на это немецкий комендант иронизирует над их „устаревшим“ кодексом чести и предлагает старикам не лезть не в своё дело, а обратиться лучше духом к велениям их „веры“, начертанным в коране.

Чтобы помочь им в этом, он предлагает им с умиленно-лицемерной улыбкой книжечку корана, из тех, что заранее были заготовлены в Германии и в изобилии были доставлены на Кавказ во время оккупации. Но старики, повертев коран в руках, бережно складывают книжечки обратно на стол коменданта и выражают „сожаление“, что их старым глазам уже не осилить такой мелкий шрифт.

Сцена эта характерна в том смысле, что гитлеровскому офицеру невдомёк, насколько неписанный моральный кодекс человечности для стариков выше мертвой буквы корана.

Подлинная человечность, подлинная гуманность включают в себя и уважение к собственной личности, осознание своего человеческого достоинства. И самое страшное, что нёс с собой гитлеризм с его расистскими бреднями и теориями сверхчеловека,— это отрицание

права называться человеком у всех, кроме „белокурой бестии“ — представителя высшей германской расы.

Культивируя у немецкого народа самые низменные инстинкты, презрение к нормам общечеловеческой морали и этики, Гитлер растил человека-зверя, пытался низвести его до варвара. Именно это было одной из существенных причин неизбежного краха гитлеризма.

Ни мощь военной машины Германии, ни её экономический потенциал, ни внешний лоск, ни лицемерная геббельсовская пропаганда не могли скрыть варварской сущности фашизма. И даже люди, предельно павшие, продавшие и предавшие свой народ, не могли не осознать всего ужаса гитлеризма, когда он неизбежно, рано или поздно, оборачивался против них самих.

Вот эту трагедию позднего и беспощадного прозрения на краю собственной гибели с большим драматизмом раскрывает Кубанов, изображая гибель Ахмата — сына Тохтара.

Здесь логика образа, логика сюжетной линии семьи Тохтара находит своё закономерное завершение: раз вступив на путь бесчеловечности, предательства, человек гибнет нравственно, расплачивается потерей моральных ценностей.

Таким образом, идея романа, идея торжества гуманизма, носителями которого являются советские люди, и неизбежности нравственной гибели фашизма и тех, кто примкнул к антигуманным силам, убедительно, как мы видим, раскрыта автором на целом ряде коллизий романа и в судьбах его героев.

Анализируя так подробно роман „Два времени“ Дахира Кубанова, мы сосредоточили внимание на наиболее характерных его достоинствах и недостатках потому, что они весьма знаменательны и нуждаются в осмыслении. Перед нами произведение, в котором наря-

ду с реальной, жизненно-исторической основой мы встретим ярко выраженные элементы эстетики романтизма в сюжетно-композиционной группировке образов по принципу последовательной антитезы и в средствах характеристики персонажей.

Вряд ли эти элементы являются результатом сознательной стилизации и обращения к принципам изображения действительности, к стилевым приёмам романтизма.

По существу, писатель заново открывает их для себя. Они подсказаны ему системой эстетического мышления. И, как мы видели, свойственной и другим карачаевским писателям.

Где же коренятся истоки, где та питательная среда, которые обусловили подобное явление?

По-видимому, ключ к решению этой задачи следует искать в той роли, в той качественной степени усвоения традиций устного народного творчества, которых сейчас достигла карачаевская литература. Напомним, что одним из главных источников, питавших его в произведениях разных стран и писателей, был фольклор, от которого воспринял романтизм традицию разработки многих тем, сюжетов, стилевые особенности.

По-видимому, на данном этапе развития карачаевской литературы уже нет необходимости для писателя воспроизводить фольклорные сюжеты и мотивы. Они обращаются к изображению самой действительности. Но нет ещё и подлинного историзма художественного мышления, сознания общности исторического события с частным, с личными судьбами и характерами людей, их органической взаимосвязи, что составляет основу реалистического изображения действительности.

Отсюда возникает и двупланность произведения. Изображение в общих чертах всем известного истори-

ческого хода событий, за редким исключением, имеет чисто механическую связь с изображением человеческих судеб и эволюции характеров. В силу механичности этой связи судьбы героев, их внутренняя эволюция определяется субъективным авторским началом. И этот субъективизм выражается в создании искусственных коллизий, в схематизме образов, в их заданности— всё это, питаясь традициями карачаевского фольклора, порождает систему изобразительных средств, прямо аналогичную выразительным средствам романтизма.

Таким образом, роман Дахира Кубанова „Два времени“ представляет собой интересное явление в карачаевской литературе и даёт богатый материал для осмысления процессов, происходящих в ней.